

Карьера рабочего как биографический выбор*

Ирина Тартаковская

Кандидат социологических наук, доцент социологического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук,
старший научный сотрудник Института социологии РАН.
Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, Российская Федерация 117259
E-mail: lucia.richardson@gmail.com

Александрина Ваньке

Кандидат социологических наук, доцент социологического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук,
научный сотрудник Института социологии РАН
Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, Российская Федерация 117259
E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

В статье рассматриваются карьерные стратегии российских рабочих, которые изучаются в контексте ситуаций биографического выбора. Опираясь на классовый и интeрсекциональный анализ, авторы описывают мотивы выбора рабочей профессии и дальнейшую социальную мобильность рабочих. В статье показывается, что восходящая мобильность молодых рабочих возможна при условии, что заводская иерархия позволит им конвертировать образовательный капитал (в виде повышения уровня образования и квалификации) в символический и экономический. Нисходящая же мобильность наиболее характерна для рабочих старших возрастов, которые не смогли адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, потерпели неудачи и понизили свой социальный статус, например, из инженеров перешли в рабочие. Отмечается, что для выходцев из рабочей среды характерна стратегия воспроизводства классовой позиции. В статье утверждается, что карьерные стратегии рабочих в значительной степени обусловлены гендерным габитусом, имеющим для них определенную классовую специфику. Она выражается в том, что женщины-рабочие, имея карьерные амбиции, все же ориентированы на жизненный успех в приватной сфере (в браке и семье), в то время как для мужчин-рабочих успех может быть связан не только с построением профессиональной карьеры, но и просто с повышением качества жизни. Авторы заключают, что сегодня российские рабочие не склонны проблематизировать свой социальный статус и, скорее, воспроизводят свою классовую позицию, чем вкладывают силы в ее изменение.

Ключевые слова: карьерные стратегии, рабочие, биографический выбор, социальная мобильность, женский габитус, мужской габитус

© Тартаковская И. Н., 2016

© Ваньке А. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-9-48

* Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14-28-00217).

Во втором десятилетии XXI века современное российское общество продолжает трансформироваться — меняется статус различных профессий и целых классовых групп, возникают новые формы социальной мобильности. Одновременно с этим воспроизводятся и старые, сложившиеся в предыдущие исторические периоды модели поведения на рынке труда, обладающие иногда поразительной устойчивостью. Значительный интерес для социологов представляет положение непривилегированных групп, сталкивающихся с новыми социальными, экономическими и политическими вызовами. Индустриальные и сервисные рабочие, несомненно, являются одной из таких групп, играющей заметную роль в социальной структуре российского общества.

Положение рабочих в современном обществе: обзор научной дискуссии

Принято считать, что исследования рабочего класса сегодня менее популярны по сравнению с советским периодом (Максимов, 2004: 3), и это мнение вполне обоснованно, хотя рабочие в России до сих пор остаются одной из самых многочисленных социальных групп: согласно статистическим данным, доля рабочих от всех занятых на 2014 г. составила 35,5 % (Каравай, 2016: 230; ФСГС РФ, 2015). Особую актуальность в условиях меняющейся социальной структуры приобретает изучение трудовой карьеры, возможностей для социальной мобильности рабочих.

В социологии существуют несколько подходов к изучению карьеры, вплетенной в трудовые и иные социальные отношения. Один из них рассматривает карьеру в соотношении с биографической перспективой (Heinz, 2001: 6), что, согласно терминологии Ульриха Бека, описывается понятием «биографический выбор» (choice biography) (Beck, 1992). Данный подход предполагает, что на протяжении всего жизненного пути (life-course) мы многократно делаем выбор, влияющий на нашу дальнейшую судьбу: выйти замуж или остаться холостым, поступить в училище или университет, выбрать работу по специальности или сменить сферу деятельности и т. д. (Lange, 2007: 273).

Биографический выбор в сфере карьеры зависит как от социально-индивидуальных характеристик, которые становятся результатом накопленного жизненного опыта и серии предыдущих выборов, так и от внешних ограничений и трудовых обстоятельств, которые мало зависят от нас (Heinz, 2001: 6; Lange, 2007: 274). В этом смысле, как верно отмечает Вальтер Хайнц, «мужские и женские карьерные истории отличаются в силу того, что принцип „связанных жизней“ приводит к неравному распределению трудовой деятельности и семейных ролей» (Heinz, 2001: 6). Таким образом, под «жизненным выбором» следует понимать то, как индивиды реагируют на жизненные вызовы и как они используют открывающиеся перед ними возможности в условиях структурных ограничений (Heinz, 2001: 6). Согласно логике подхода Пьера Бурдьё, жизненный выбор является результатом работы как внешних надындивидуальных структур, так и индивидуального габитуса —

устойчивых схем мышления, восприятия и оценивания, вписанных в тело (Бурдьё, 2001: 106–107).

Вместе с тем в социологии традиционно существует подход к изучению карьеры и трудовых отношений через призму классового анализа. В нем рабочие рассматриваются через призму их классовой позиции, которая коррелирует с принадлежностью к социально-профессиональной среде. Однако на сегодняшний день в социальных науках ведутся жаркие дебаты о применимости понятия «социальный класс» к меняющимся постиндустриальным обществам. Несмотря на многочисленные попытки заменить классовый анализ другими подходами, он продолжает играть важную роль в критике социального неравенства.

Недавнее исследование структуры британского общества, проведенное под руководством Майка Сэвиджа, показало, что классовые различия по-прежнему имеют большое значение для социальной мобильности (Savage, 2015) и становятся следствием неравномерного распределения капиталов: культурного, социального, экономического — как их описывает Бурдьё (Бурдьё, 2004). Вместе с коллегами Сэвидж отмечает тенденцию к все большей поляризации британского общества — его разделение на привилегированные «верхи» и ущемленные «низы», что приводит к кристаллизации элиты и прекариата (Savage et al., 2015: 317, 333; Savage et al., 2013). Результаты данного исследования показали наличие структурной фрагментации, при которой границы между устоявшимся средним и традиционным рабочим классами сегодня размываются (Savage et al., 2015: 26). Эти же тенденции социальной поляризации в мировом масштабе находят свое подтверждение и в сравнительно-историческом исследовании Томаса Пикетти, посвященном неравенству в распределении доходов (Пикетти, 2015).

Вопросом релевантности классового анализа для описания неконсистентной структуры российского общества задаются авторы сборника «Rethinking Class in Russia» («Переосмысляя класс в России») (2012). В своих статьях исследователи изучают неравные властные отношения между разными социальными группами, чьи трудовые отношения в постсоветской России опосредованы неолиберальной экономической политикой. Авторы сборника рассматривают не только уже хорошо изученный российский средний класс (Rotkirch, Tkach, Zdravomyslova, 2012), но и уделяют внимание рабочему (Walker, 2012) и привилегированному классам (Ratilainen, 2012). Предложенное финским социологом Суви Салменниemi понимание социального класса как «процесса, в ходе которого осуществляются социальные классификации, ведется борьба за навязывание классификаций и их легитимацию» (Salmenniemi, 2012: 3) основывается на определении классовой позиции индивида по месту, занимаемому им во властной иерархии. Наследуя Бурдьё (Бурдьё, 2005б: 15), Салменниemi понимает под «классом» конфигурацию властных отношений и борьбу за номинации, что позволяет вывести исследовательский фокус за границы экономического измерения, добавив к рассмотрению символический, культурный и другие параметры.

Противоположностью данному подходу является определение социального класса, которое выводит в своем исследовании капиталистической трансформации государственного социализма британский социолог Дэвид Лейн (Lane, 2011, 2014). Будучи приверженцем марксизма, он, с одной стороны, показывает слабые стороны теории Маркса применительно к классовой структуре советской и постсоветской России, а с другой — дополняет ее парсонсианскими стратификационными моделями. Лейн полагает, что отношения господства и подчинения следует рассматривать отдельно от классовых отношений (Lane, 2014: 133), что отличает его теоретические воззрения от взгляда Салменниemi и ряда других социологов. Лейн определяет класс как «группу людей, которые занимают схожую экономическую позицию, детерминирующую их жизненные шансы» (Lane, 2014: 131). Он продвигает мысль о том, что класс воспроизводится демографически, осознает свое положение по отношению к другим социальным группам и служит основой для политических и экономических действий (Lane, 2014: 131). По мнению Лейна, классы имеют трансформационный потенциал, но в случае перехода от государственного социализма к капитализму в 1990-е гг. ключевую роль в процессе социальных изменений в России играли все же элиты, а не рабочие (Lane, 2005: 432).

Британские социологи Саймон Кларк и Сара Ашвин в 1990-е гг. вместе с российскими исследователями провели более 20 проектов по изучению трудовых отношений и конфликтов на предприятиях, забастовочного движения и повседневной жизни рабочего класса в постсоветской России (Clarke, Fairbrother, Borisov, 1995; Clarke, 2007). Применение качественной стратегии социологического исследования и непосредственная работа в поле позволили рассмотреть российских рабочих как потенциальных субъектов социальных трансформаций в период рыночных реформ (Ashwin, Clarke, 2003). Особое внимание к гендерным, возрастным, культурным и другим социальным практикам рабочих позволяет отнести проекты Кларка и Ашвин к интенсивно развивающейся области новых исследований рабочего класса, которые смещают фокус с абстрактных проблем на изучение жизни рабочих в конкретных ситуациях: на предприятии, в сообществе, во время забастовки и т. д. (Russo, Linkon, 2005).

Майкл Буравой, наследник марксистской традиции, выстраивает свою концепцию рабочего класса, с одной стороны, на основе критического прочтения работ Антонио Грамши и Пьера Бурдьё (Burawoy, 2008), с другой стороны, на результатах своих этнографических исследований рабочих промышленных предприятий Америки, Замбии, Южной Африки, Венгрии и России (Буравой, 2009: 29, 31). Так же как и Бурдьё, он задается вопросом о том, существует ли рабочий класс «на бумаге» как теоретический конструкт или же он является реальной социальной группой, способной на действие (Burawoy, 2008: 4; Бурдьё, 2005: 17). Изучая заводские режимы, Буравой пытался понять, какова роль производства в формировании рабочего класса (Буравой, 2009: 29).

Проводя включенное наблюдение на мебельной фабрике в г. Сыктывкаре в 1990-е гг. (Буравой, 2009: 49), Буравой обнаружил в среде рабочих различия ген-

дерных моделей поведения, которые он позже объяснил разницей гендерных габитусов, используя терминологию Бурдьё (Бурдьё, 2005а: 303). Буравой показывает, что в период интенсивных социально-экономических реформ и деиндустриализации женщины-работчие оказались более адаптивны к изменениям по сравнению с мужчинами в силу того, что они обладали «многомерным» и гибким габитусом (multi-dimensional habitus), сформированным необходимостью совмещать домашний труд и работу на предприятии (Burawoy, 2008: 25). В этой же логике функционировал и гендерный контракт работающей матери, который формировал определенный женский габитус: матери и работницы одновременно. Мужчины-работчие же обладали более ригидным «одномерным» габитусом (mono-dimensional habitus), который сводился лишь к роли кормильца семьи (Ibid.: 25). В условиях резкого снижения социального статуса и нисходящей мобильности в 1990-е гг. роль мужчины-рабочего как добытчика была поставлена под вопрос, что породило у них габитусную неуверенность, если использовать термин Михаэля Мойзера (Meuser, 2010). Габитусная неуверенность проявилась в усилении пьянства в среде рабочих-мужчин, служащего компенсаторным средством поддержания мужественности (Kiblitckaya, 2000: 94), и — как следствие — в ухудшении здоровья и сокращении продолжительности жизни.

В российской социологии также существует долгая традиция исследований рабочего класса, трудовых отношений и жизненного мира рабочих. Одно из наиболее известных в этой области исследований было проведено Владимиром Ядовым и коллегами в 1960-е гг. на Кировском заводе в Ленинграде. Его результаты легли в основу книги «Человек и его работа в СССР и после», написанной Ядовым в соавторстве с Андреем Здравомысловым. Согласно выводам данного исследования, при построении трудовой карьеры заводские рабочие имели как творческие мотивы, связанные с самореализацией и личностным развитием, так и прагматические, направленные на зарабатывание денег (Ядов, Здравомыслов, 2003).

Другое, не менее известное исследование петербургского социолога Бориса Максимова было направлено на изучение изменения социального статуса рабочих и их субъективного восприятия своего социального положения в период реформ 1990-х — начала 2000-х годов (Максимов, 2004). Максимов пишет об усилении дифференциации российского рабочего класса, включающего разнообразные социально-профессиональные группы (Там же: 25). По его мнению, основные характеристики рабочих связаны, во-первых, с характером труда — его монотонностью, во-вторых, с уровнем профессиональной подготовки, которая соотносится с обучением в профессиональном училище или колледже, в-третьих, с низким положением в социальной структуре, в-четвертых, с наличием классового самосознания и отнесением себя к рабочему классу (Там же: 12). Наряду с социально-экономическими параметрами Максимов выделяет аспект властных отношений — занятия рабочими подчиненных позиций в социально-профессиональной иерархии, что пересекается с описанными выше идеями критических подходов: «Рабочих отличает... сугубая наемность. Это — рядовые работники, находящиеся на нижней

ступеньке производственной иерархии. Они, как правило, не участвуют в подготовке и принятии решений, в управлении предприятиями» (Там же: 13).

Исследование положения наемных работников в современной России, проведенное Зинаидой Голенковой и ее соавторами, показало, что российские рабочие, скорее, стремятся не менять полученную специальность, что указывает на «стабильность профессионального выбора» и снижает их шансы на осуществление профессиональной мобильности (Голенкова, Игитханян, 2015: 109). Согласно данным опроса, всего лишь 4,7% рабочих пробовали заняться предпринимательской деятельностью (Там же: 110), остальные полагают, что не имеют для этого достаточных ресурсов. Ориентация на профессиональную стабильность в условиях трансформаций и кризисов делает рабочих одной из самых уязвимых социальных групп (Каравай, 2016: 243). По этой причине некоторые сегменты рабочего класса характеризуются прекарными формами занятости и отсутствием стабильных заработков (Голенкова, Голиусова, 2013: 6).

Современная социологическая литература, посвященная проблемам российских рабочих, охватывает не только вопросы их социальных установок, но и рассматривает такие темы, как трудовые конфликты на предприятиях (Виноградова, Козина, 2011; Ashwin, Kozina, 2013), рабочее движение (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010), особенности телесно-сексуальной культуры (Омельченко, 2013) и гендерные аспекты мобильности рабочей молодежи (Walker, 2011, 2015a), условия жизни в индустриальных районах и моногородах (Morris, 2015) и т. д. Однако в отечественной социологии малоизученными остаются ситуации биографического выбора в пользу рабочей специальности и стратегии построения профессиональных карьер рабочих с учетом различных социальных параметров, которые мы рассматриваем в своей статье.

Методология Пьера Бурдьё и ее применение для анализа карьеры рабочих

Для изучения биографического выбора рабочими своих профессий мы используем интерсекциональный анализ, который предполагает «исследование сложных механизмов распределения власти, различающихся в зависимости от контекста, в котором могут актуализироваться те или иные измерения социальной дифференциации» (Тартаковская, 2015: 85). Другими словами, в свете интерсекционального подхода биографический выбор карьеры рабочего будет рассматриваться нами в узле подвижных отношений между гендером, классом и отчасти возрастом (принадлежность к тому или иному поколению) (Ренн, 2011: 143–144, 145, 156). Особое значение в подобном анализе приобретает контекст накладывания различных параметров — сочетания категорий, образующих новое соединение со свойственными ему характеристиками и значениями (Тартаковская, 2015: 86).

Интерсекциональный анализ, имеющий в своей основе критическую интенцию, органично сочетается с генетическим структурализмом Пьера Бурдьё,

согласно которому биографический выбор является результатом работы *габитуса* — набора схем мышления, восприятия и оценивания, вписанных в тело и генерирующих определенные виды социальных практик в зависимости от позиции индивида в социальном пространстве, т. е. от его/ее принадлежности к тому или иному социальному классу. Понятие габитуса соединяет в себе как объективистскую логику внешней детерминации — неосознанного принятия решений под воздействием внешних социальных структур, например, больших и малых режимов, так и субъективистское восприятие выбора, сделанного в соответствии с индивидуальными стремлениями, желаниями и мечтами (Бурдьё, 2001: 104), способными изменить социальную траекторию, сделать профессиональную карьеру и привести к социальной мобильности. Габитус как система устойчивых диспозиций (Там же: 102) коррелирует с местом индивида в социальном универсуме, которое определяется объемом и набором разных видов капиталов: экономического (деньги или состояние), социального (связи и сети контактов), культурного (образование и дипломы), символического (престиж и признание) и др.

В этом смысле социальные классы, по Бурдьё, служат не номинальными категориями (как, например, «средний» или «креативный класс»), а формируются аналитически по близости социальных позиций. Таким образом, принадлежность к рабочему и любому другому классу определяется не только уровнем дохода, но и стилем жизни: культурными предпочтениями и способом проведения досуга. «Стили жизни являются систематической производной от габитусов: взятые в их взаимосвязи, согласно схемам габитуса, они становятся системами социально маркированных знаков («благородный», «вульгарный» и т. д.). Диалектика условий и габитусов лежит в основе алхимии, трансформирующей распределение капитала — или баланса соотношения сил — в систему распознаваемых различий, отличительных свойств, иначе говоря, в распределение символического (легитимного) капитала, чья объективная истина остается неузнанной» (Bourdieu, 1994: 172).

Бурдьё также вводит понятие классового габитуса (Бурдьё, 2001: 105). Оно означает, что принадлежность к определенной социальной среде влечет за собой формирование габитуса, присущего этой среде. Другими словами, девушки из рабочих семей скорее будут обладать габитусом женщин-рабочих, которому свойственен определенный набор социальных практик и поведенческих стратегий, например, раннее замужество и ранее же рождение детей, и как следствие — отказ от поступления в высшее учебное заведение и посвящение себя семье. Однако это не значит, что выходец из рабочей семьи не может совершить «выход» из класса и осуществить тем самым вертикальную социальную мобильность, преодолевая социальные силы, тянущие его/ее обратно.

В работе «Мужское господство» Бурдьё выделяет гендерный габитус, который отвечает за гендерное разделение труда и распределение половозрастных ролей между женщинами и мужчинами (Там же). Развивая идеи Бурдьё, немецкие социологи Михаэль Мойзер и Корнелия Бенке используют понятие *гендерного габитуса*, полагая, что «социальное существование гендера связано со специфическим

габитусом, который генерирует определенную социальную практику» (Behnke, Meuser, 2002: 156). Мойзер утверждает, что формы габитуса связаны с семантикой гендерного неравенства, а неравные символические ресурсы женщин и мужчин вносят вклад в неравенство социального порядка (Meuser, 2006: 119). В данном случае классовый и гендерный габитус служит именно тем узлом, в котором сплетаются классовые и гендерные различия, детерминирующие реализацию тех или иных стратегий построения карьеры или отказа от нее.

В отечественной социологии понятие «гендерный габитус» пока не получило широкого распространения, несмотря на то, что оно обладает определенным эвристическим потенциалом. В российском контексте оно, как правило, применяется к изучению маскулинных телесных, сексуальных, потребительских и других видов практик (Ваньке, 2013). Вслед за Михаэлем Мойзером Елена Рождественская (Мещеркина) использует понятие «мужской габитус» для сопоставления гендерных идентичностей мужчин из рабочего и среднего классов. Она приходит к выводу о том, что габитус мужчин-рабочих менее патриархален (Мещеркина, 2002: 287). Рабочие мыслят маскулинность и феминность с точки зрения их прагматической целесообразности. Например, более высокие заработки супруги воспринимаются нормально в условиях сниженного социального статуса мужчин-рабочих, в то время как мужчины из среднего класса более склонны воспроизводить традиционные гендерные практики. Белые воротнички испытывают большую габитусную неуверенность, которая обусловлена их беспокойством по поводу того, чтобы соответствовать образу «настоящего мужчины», выполняющего роль кормильца (Там же: 287). Недавние исследования показывают, что молодые рабочие также испытывают габитусную неуверенность, когда их мужественность ставится под вопрос в условиях экспансии неолиберальных ценностей (Ваньке, 2014: 73–74).

И если вокруг мужских габитусов уже развернулась дискуссия, то женский габитус, в частности габитус работниц, пока остается за пределами внимания российских социологов. Таким образом, мы прибегаем к понятиям мужского и женского габитусов для изучения карьер рабочих, предполагая, что выбор рабочей профессии и принятие решений при построении трудовой биографии осуществляется как под воздействием внешних социальных структур, так и — инкорпорированных схем мышления, порождающих соответствующие наборы практик. Статья ставит своей целью ответить на следующие исследовательские вопросы. Какие мотивы стоят за выбором рабочей специальности у мужчин и женщин? Как они выстраивают свои профессиональные карьеры в соответствии с гендерными габитусами? Каким образом осуществляется (или почему не осуществляется) социальная мобильность женщин- и мужчин-рабочих?

С методической точки зрения мы изучаем рабочие карьеры с помощью полуструктурированного биографического интервью, поскольку, на наш взгляд, именно этот метод позволяет наилучшим образом прояснить содержание и обоснование жизненного выбора, а также реконструировать мужские и женские габитусы. Методический дизайн исследования разработан в рамках проекта «Межпоколен-

ная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (Семенова, 2016). В ходе интервью подробно выяснялись биографические подробности жизни респондента — профессия родителей, дедушек и бабушек, переезды, выбор образования, все виды занятости и трудовых перемещений, семейные и жилищные обстоятельства, досуг и т. п. Помимо этого, задавались вопросы о планах на будущее, оценке собственной успешности и представлениях об успехе.

В ходе полевого исследования, проведенного в октябре 2015 г. — апреле 2016 г. в крупных городах: Москве, Екатеринбурге и Самаре, а также в двух небольших городах: Нижнем Тагиле и Новокуйбышевске, было собрано 85 интервью. В целевую выборку попали представители двух социальных групп — занимающие руководящие и рядовые должности и принадлежащие к поколениям условных «детей» и «отцов» в возрасте: 1) 25–30 лет и 2) 45–50 лет. В группе «рядовых работников» были широко представлены рабочие, занятые в промышленном секторе и сфере услуг. В результате нами были использованы для анализа 39 интервью с мужчинами и женщинами рабочих профессий, представителями молодого и старшего поколений.

Процедура анализа интервью предполагает два этапа. Используя аналитическую выборку, мы сначала отбираем высказывания, содержащие информацию о карьере и социальной мобильности респондентов, а также о выборе ими учебного заведения, профессии и места работы. Наряду с этим нас интересуют сюжеты отказа от построения карьеры, которые свидетельствуют о нисходящей мобильности или об отсутствии социальных перемещений. На втором этапе мы осуществляем, во-первых, интерпретационный анализ значений, вкладываемых респондентами в понятие «карьера», во-вторых, выделяем типы карьерных стратегий мужчин и женщин разных возрастов, и, в-третьих, реконструируем мужские и женские габитусы рабочих.

В статье мы рассматриваем две группы наемных работников — собственно промышленных рабочих и низкоквалифицированных работников сервисных учреждений. Сопоставление этих групп представляется нам оправданным, потому что они находятся в схожем социальном положении: занимаются физическим и/или монотонным трудом, получают за него невысокую оплату, лишены властных ресурсов и влияния, обладают ограниченными социальными возможностями в виде связей и образования. Логика большинства авторов, описывающих особенности классовой структуры современных обществ, позволяет отнести их к одной и той же страте людей с ограниченным социальным капиталом и схожим габитусом (Бурдьё, 2004), слабыми ресурсами (Sorensen, 2000); подвергающихся непосредственной эксплуатации (Wright, 2000) и подверженных высоким социальным рискам (Бек, 2000), в той или иной мере социально исключенных (Кастельс, 2000) и обладающих невысокими активами (Grusky, 2001). Как показывает наше исследование, достаточно часто одни и те же люди на протяжении своей трудовой биографии имеют опыт работы и на промышленных, и на сервисных предприятиях.

По мнению Венди Боттеро (Bottero, 2009), которое мы разделяем, работников сервиса, таких как продавцы, и низкостатусных офисных работников, выполняющих рутинную, низкоквалифицированную работу и обладающих очень низкой степенью автономии, следует относить к рабочему классу.

Нас интересовала, в частности, мотивация их трудовых переходов, выбора определенных рабочих мест и отказа от них, а также роль рабочей и социальной позиции в выстраивании субъектности наших респондентов.

Специфика образовательных стратегий молодых рабочих

В современном обществе путь к рабочей профессии, как правило, ведет через профильное образование. Наше исследование позволило выявить определенные особенности восприятия образовательных институтов в социальной группе промышленных и сервисных рабочих. Несмотря на всю важность образования как фактора социальной мобильности и социальной стратификации, выбор профиля образовательного учреждения был для подавляющего большинства респондентов совершенно случайным. Как показал в своей статье, основанной на изучении выпускников технических училищ и колледжей Ульяновска Чарльз Уолкер (Walker, 2010), средние специальные учебные заведения до сих пор остаются высоковостребованными образовательными институтами. Молодые люди воспринимают их не только как возможность относительно быстро и без особых материальных затрат получить профессию и выйти на рынок труда, но и как шанс позитивно изменить свою жизнь, стать взрослыми, расстаться со школой, о которой многие из них сохранили не самые лучшие воспоминания. Наталья Кремнева и Евгения Лукьянова пишут, что многие семьи одобряют старт своих детей с рабочих профессий, как с точки зрения экономических выгод (широта предложений на рынке труда, высокие заработки), так и правильных моделей взросления (Кремнева, Лукьянова, 2015: 38). Однако здесь мы наблюдаем интересный социальный феномен: представления о том, какой будет эта профессия, в чем она будет заключаться, какие может дать жизненные шансы, остаются для большинства абитуриентов совершенно абстрактными:

Думаю, ну надо куда-то поступать. Куда поступать? Фиг его знает. И тут у меня мой знакомый говорит: «А я вот в политех там». Я говорю: «А я с тобой пойду». Куда пойдём? Фиг его знает... И вот «Электрооборудование автомобилей и тракторов», такая специальность. Я говорю: «Что мы там делать будем?» — «Да фиг с ней, надо просто куда-то пойти». От балды то бишь. (Евгений, кладовщик, 30 лет)

Просто шла мимо, и компания людей, и типа вот стали ко мне заигрывать, туда-сюда, куда, чего, зачем. Да я вот иду типа в плановый институт поступать. А мне говорят: «Да пошли к нам в техникум, да у нас здесь интересно, туда-сюда...» Потому что, знаете, когда я училась в школе и когда со школой

мы прощались — вот эта вот прострация. Как правильно-то сказать? Страх перед свободной, вольной жизнью, и ты не знаешь, куда пойти, и вот когда еще тебя родители не направляют... (Анна, шлифовщица, 45 лет)

Очень многие из наших респондентов аналогичным образом выбирали учебное заведение за компанию с другом или подругой, либо из-за того, что оно оказалось ближайшим к дому. Иногда в выбор вмешивались родители, в этом случае он оказывался более осмысленным, но в целом в этой социальной группе влияние родителей на образовательные планы детей значительно меньше, чем в семьях среднего класса. И даже если мнение родителей присутствовало и учитывалось на момент поступления в учебное заведение, дальнейшая трудовая биография выпускника складывалась практически всегда не так, как они планировали и хотели.

Глубинные интервью показали, что в восприятии среднетехнических образовательных институтов присутствует определенная инерция: в социальной памяти последних двух поколений сохранилось представление о том, что они дают «путевку в жизнь» и обеспечивают работой и социальными гарантиями. На самом деле, жизненные шансы выпускников училищ и техникумов, как правило, оказываются гораздо ниже, чем они рассчитывали, что создавало для них впоследствии фрустрирующую ситуацию при трудоустройстве. Особенно сильной оказалась фрустрация у представителей того поколения, которое получало образование еще в позднесоветское время, рассчитывая на существовавшие тогда механизмы социальной мобильности:

Не панацея была иметь высшее образование на тот период времени, которое у нас существовало, и строй другой был, как бы и больше приветствовался рабочий класс, чем работник ИТР. И были заработные платы другие, и соцпакет был другой, соответственно, и в очереди можно было получить жилье, чего-то добиться, я имею в виду, рабочему классу. (Виктор, плотник, 45 лет)

Но и у работников старшего возраста, и у более молодых «случайно» полученное образование впоследствии играло в их жизни роль структурирующего фактора, причем нередко, скорее, ограничивающего, чем ресурсного, — многие из них жалеют об упущенных возможностях, об отсутствующих знаниях и потерянном времени:

Много жалею о чем, в принципе. Очень жалею, что все-таки лень моя меня... в образовании, допустим. Я ощущаю очень сильный провал в образовании в определенные моменты. (Евгений, кладовщик, 30 лет)

Интервью выявили также еще один интересный момент в планировании молодыми рабочими своего будущего: для многих из них образовательные планы существовали на двух уровнях — «уровне реальности» и «уровне мечтаний». На «уровне мечтаний», о которых рассказывали нам респонденты, они видели себя

успешными людьми с высшим образованием, часто представителями интеллектуальных и творческих профессий:

Получить инженера, закончить вуз, получить высшее образование, как говорится, выйти в люди, чего-то достичь в этой жизни... Мечтать-то можно о многом, а все идем-то мы по жизни по реалиям (Василий, токарь, 27 лет).

Однако жизнь «по реалиям» не давала им возможностей приблизиться к осуществлению своей мечты, причем по многим причинам: кому-то было необходимо быстрее выйти на рынок труда и начать зарабатывать себе на жизнь, кто-то не располагал достаточными знаниями и культурным капиталом:

Может быть, если уже выбирать из таких профессий, я бы поступил, допустим, на программиста, но здесь уже надо было действительно садиться и учиться, то есть зубрить, вот. (Алексей, рабочий на конвейере, 26 лет)

Я была страшной лентяйкой, мне неохота было сдавать никакие экзамены в институт, в училище просто так взяли, я и пошла туда. (Ольга, железнодорожный проводник, 45 лет)

Как отмечалось еще в классической работе Пола Уиллиса (Willis, 1977), прилежная учеба, «зубрежка» не входят в нормативный паттерн социализации рабочей молодежи. В своей последней работе (Willis, 2004) он показывает, что за прошедшие 30 лет в этом отношении мало что изменилось: структурные возможности молодых рабочих резко ограничивают их культурный капитал, формируя габитус, плохо совместимый с прилежной учебой и направленной на будущую карьеру «работой над собой» (описанной Фуко). Недавнее исследование Уокера подтверждает верность этого утверждения и для современной России (Walker, 2010).

Помимо пробелов в знаниях и невысоких баллов по ЕГЭ (или низкого балла в школьном аттестате для старших возрастных групп), реализовывать свои мечты мешает своего рода «габитусная неуверенность», препятствующая реальному планированию и осуществлению социальной мобильности. Она особенно заметна у девушек из рабочих семей, отчасти подвергающихся более строгому родительскому контролю, чем юноши, отчасти просто не представляющих своих действий вне рамок известных им паттернов поведения.

Мама почему-то меня боялась всегда отпустить дальше, чем вот Новокуйбышевск. Просто на тот момент у меня сестра старшая, она уже училась в институте в мед, причем на вечернем курсе, и она каждый вечер после работы ездила в Самару, училась. И потом мама ее каждый вечер встречала. Скорее всего, может быть, вот это подтолкнуло ее к тому, чтобы меня не отпускать в Самару. (Татьяна, пробоотборщик, 45 лет)

Я училась в художественной школе... Мы два года проучились, и потом я бросила. Я вот предала свою мечту в том плане, что я каждый день об этом жалею, ребенку об этом говорю... Все-таки мечту нельзя предавать. У меня получилось так, что я ушла, через какое-то время, буквально через неделю, я очень сильно пожалела. Но я ездила... И не пришлось ездить эти 5 остановок, по ночам возвращаться домой, телефонов тогда не было. Родителям не приходилось меня встречать, Безымянка [район города. — А. В., И. Т.] до сих пор остается криминальной. Я очень скоро пожалела, сама все себе сгубила, получается так». (Наташа, продавец, 30 лет)

Поскольку мечта оказывается «преданной» и большой проект будущего не находит связей с реальностью, образовательный выбор, осуществляемый в этой реальности, не имеет большого значения и оказывается случайным, происходит стихийно или по чужой подсказке. Учеба тоже происходит по инерции, автоматически — не ради знаний, а потому что «положено учиться»:

Я ее [свою специальность, полученную в техникуме. — А. В., И. Т.] не знаю, да и нет у меня желания ее познавать. (Алексей, сборщик, 26 лет)

Таким образом, для рассматриваемой нами социальной группы образование часто оказывается «иллюзорным» социальным лифтом, гипотетическими преимуществами которого они не могут воспользоваться. Причем это иногда относится и к высшему образованию, поскольку в нашей подвыборке «неудачников» с нисходящей социальной мобильностью на позициях рабочих — и промышленных, и особенно сервисных — оказалось немало людей с высшим образованием.

Позиция рабочего как результат нисходящей мобильности

Поскольку одной из целей нашего исследования было изучение «мобильности в движении», направленном как вверх, так и вниз, специфика выборки позволила нам рассмотреть несколько биографических историй работников, которых их жизненная траектория привела на рабочие позиции с более высококвалифицированных и высокостатусных. Причины этого были самые разные: от неудачных попыток заниматься собственным бизнесом до проблем со здоровьем и личных драм (например, смерть мужа-кормильца семьи). Следует отметить, что ни в одном из рассмотренных нами случаев выбор рабочей позиции не был безальтернативной «последней возможностью». Во-первых, зарплаты рабочих оказались вполне конкурентоспособными по сравнению с доступными для неудачников позиций «менеджеров по продажам» и «дистрибьюторов». Во-вторых — не было особых психологических барьеров. Как отмечали многие авторы, социальные иерархии в современной России устроены таким образом, что границы, отделяющие элиты от остальной части общества, закрыты и практически непроницаемы (Гудков, 2008; Кордонский, 2008). Однако если рассматривать нижние этажи этих

иерархий, мы не можем обнаружить четких статусных, материальных, габитусных различий между рабочими и представителями инженерно-технической интеллигенции. Хотя Мишель Ривкин-Фиш утверждает, что классовая субъектность и позднесоветской, и постсоветской интеллигенции подразумевает устойчивое противопоставление рабочему классу (Rivkin-Fish, 2009: 79), наши данные позволяют предположить, что это противопоставление характерно не для всех категорий интеллигенции. Представители инженерно-технической интеллигенции, принадлежащие к старшим поколениям, т.е. имевшие опыт советской социализации, в своих биографических нарративах не выстраивали никакой символической дистанции по отношению к рабочим — ни как к социальной категории, ни как к соответствующим рабочим местам. Многие из них начинали свою карьеру с рабочих позиций, и в том случае, если эта карьера оказалась неуспешной, рассматривают возвращение на такое рабочее место как вполне приемлемый вариант. Несколько наших респондентов чередовали в своей трудовой биографии позиции инженеров и высококвалифицированных рабочих, занимая то рабочее место, которое им казалось в конкретной ситуации более предпочтительным с точки зрения материального вознаграждения:

С высоким разрядом не все инженеры получают, сколько слесарь. (Вадим, слесарь, 48 лет)

На наш взгляд, такая классовая неопределенность, с одной стороны, имеет советские корни, когда корпоративная идентичность, соотнесение себя, скорее, с определенным предприятием, чем с классовой группой, была характерна для большинства сотрудников крупных предприятий, кроме их высшего руководства (Lane, O'Dell, 1978). С другой стороны, хотя символическая значимость рабочих и ручного труда в современном российском обществе весьма низкая (Уокер, 2012), такое обесценивание касается далеко не только рабочих, но и многих других профессий, не ассоциирующихся в общественном сознании с успехом и престижем.

Постоянно возрастающая прекарность многих видов занятости приводит к тому, что ценность квалифицированного труда, не обеспечивающего работников ни достойным заработком, ни стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, ни особыми перспективами, существенно снижается, и профессиональная идентичность специалистов размывается. Когда трудовая биография складывается из цепочки малопривлекательных рабочих мест с короткими периодами занятости и когда надежды на карьерный рост и достойное вознаграждение разочаровывают, то переход на позиции промышленных или сервисных рабочих не воспринимается как нисходящая мобильность или поражение (Голенкова, Голеусова, 2015). Напротив, она может рассматриваться как менее ответственная и менее конкурентная, своего рода облегчение по сравнению с безуспешными попытками построить, например, бизнес-карьеру:

Пошел, значит, работать, когда в такси, думаю, да ну, пропади все пропадом, отдохну маленько, всю жизнь пашешь как папа Карло, а результата... по крайней мере, когда я снял костюм и галстук и сел за руль автомобиля, я наслаждался и вообще целый год практически, то есть я никогда не думал, что работать физически... работа, которая поставлена четко, я сел за руль, я на работе, вышел из-за руля, не работаю. Вот это настолько легко и комфортно, вот как бы руками работать (улыбается). (Эдуард, водитель, бывший предприниматель, 45 лет)

Для работников старшей возрастной группы, претерпевших нисходящую социальную мобильность, она часто была связана с утратой более широкой рамки социальных смыслов, не сводящихся только к ценностям профессионализма:

У меня ностальгия по тем временам, когда было, ну, наше поколение, во всяком случае, так считает, что там было, наверное, более хорошо, комфортно, более востребованно, более понятно... То есть какая-то была приверженность идее, что ли, если так можно сказать. Там была перспектива, там была какая-то идея. То есть вот наше поколение — вот такое переломное поколение получилось. Мы воспитаны были на одних ценностях, на ценностях хороших, комсомольских, патриотических, возвышенных. А сейчас ценностей нет никаких. (Наталья, кассир, бывший музыкальный работник, 50 лет)

Для респондентов, чья социализация и профессиональное становление происходило в советское время, профессиональная и классовая идентичность соотносилась с теми ценностями, с которыми они связывались в рамках советского идеологического проекта, хотя и ветшавшего, но сохранявшего для них определенные личностные смыслы. Когда эта рамка исчезла, большинство из них испытали не только трудности, связанные с выстраиванием своей профессиональной стратегии при изменившихся «правилах игры» в сложных экономических условиях, но и своего рода экзистенциальную дезориентацию. Старые профессии, советское образование не только плохо кормили, но и утратили ценностную составляющую, и в условиях, когда, как выразился один из наших респондентов, «нет ни страны, ни флага, ни гимна» (Василий, плотник, 45 лет), поддержание идентичности профессионала и специалиста перестало быть лично важным. Не вписавшиеся в новый идеологический дискурс бывшие профессионалы занимали рабочие места на нижних этажах социальной лестницы без всякого внутреннего сопротивления. Тем более что сохранившиеся в ходе реформ предприятия представлялись им хотя бы каким-то оплотом стабильности, своего рода осколками «старого мира», где можно было укрыться от неурядиц мира нового:

Выбор мой был предопределен, работы не было нигде, была безработица, и деньги платили только на заводах. (Елена, клепальщица, 45 лет)

Выбор рабочей профессии как классовое воспроизводство

Традиционно основной приток новой рабочей силы на предприятия обеспечивается за счет молодых людей из рабочих семей, повторяющих профессиональный и классовый выбор своих родителей. Как показала в своем исследовании трудовых династий Ольга Ткач (Ткач, 2007: 79–80), наследование профессии рабочих родителей часто осуществляется в рамках того же самого предприятия, где работают родители (либо кто-то один из них). Мотивация воспроизводства рабочей династии при этом может быть разной: либо предприятие как знакомый социальный институт, объект приложения имеющегося в распоряжении социального капитала в виде связей, воспринимается как предпочитаемая площадка для оптимизации жизненных шансов, либо профессионально-классовый габитус инерционно воспроизводится от поколения к поколению. При этом завод воспринимается просто как место работы, позволяющее выжить в любых экономических условиях.

Молодые рабочие, осуществляющие свой выбор сознательно, отчасти руководствуются рекомендациями и представлениями своих родителей, кадровых рабочих, многие из которых отдали всю жизнь конкретному предприятию. Однако их реальное знакомство с предприятием обычно оставляет противоречивое впечатление:

Мама работала на инструментальном заводе. В общем, она проработала там 30 лет, с 20-ти, получается, и до пенсии. И я вот в цех, в рембригаду, кстати, тоже такой запоминающийся момент, что когда я пришел туда, там у них вообще своя другая атмосфера, такое ощущение, как будто со всеми вот этими гаджетами на тот момент, телефонами там, что было, с телевизорами ты окунулся в какой-то Советский Союз, *потому что там везде эти плакаты Ленина до сих пор, Сталин, ну, было интересно. И само общение людей — все работали, как у меня мама работала там с 20 лет, и все-таки работали, то есть они там все настолько дружные! Сейчас уже, наверное, не такие дружные, но мне нравилось...* Если бы там платили достойно, возможно, я бы даже и работал до какого-то периода. (Алексей, сборщик, 26 лет)

Ценности коллективизма и солидарности, продолжающие существовать на бывшем советском предприятии, ставшем частной компанией (хотя и по убывающей — «уже не такие дружные»), симпатичны нашему респонденту, но он, со своими гаджетами и желанием высоких заработков, совершенно не способен в него вписаться и отдавать ему долгие годы жизни, как отдавала его мать.

Выбор места работы, если он делается не по принципу наименьшего сопротивления, а осознанно, осуществляется из максимально прагматичных соображений:

Мне было предложено два места работы, то есть первое место работы по профессии, на которую я выучился, а второе тоже похоже на мою профессию, но на заводе. То есть на железной дороге либо на заводе. Почему я пошел на железную дорогу? Потому что я хотел как бы получить, купить квар-

тиру. А там очень выгодные такие условия, там получается всего 2 % годовых с работающего платить за весь срок ипотеки. А на заводе такой возможности не было. Там больше льгот, но что касается квартир, там нужно отработать какое-то количество времени, и после чего тебе, возможно, дадут квартиру. Но не факт. (Максим, бригадир, 25 лет)

Как видно из цитаты, молодой рабочий тщательно взвешивает все ресурсы, которые ему может обеспечить то или иное место работы, и делает продуманный выбор в пользу крупной госкорпорации. Эта работа заодно и более соответствует его специальности, но содержание и характер работы не рассматриваются им как значимые факторы (далее, по ходу интервью, он сообщил, что работа ему не нравится). Собственно, профессия вообще инструментальна по отношению к главной для него на данном жизненном этапе цели — приобрести квартиру. И поскольку желанная ипотека на 14 лет получена, но съедает у него ровно половину зарплаты, этот юноша, еще не только не имеющий детей, но и неженатый, продолжает свои расчеты:

Там очень много всяких плюсов. Там за первого ребенка списывается 10 квадратных метров от стоимости. За второго ребенка списывается 14 квадратных метров от стоимости... Плюс еще материнский капитал за двух детей. (Максим, бригадир, 25 лет)

Реалии неолиберальной экономики таковы, что довольно часто кредиты и их обслуживание становятся центром планирования не только своей работы и профессии, но и всех остальных жизненных обстоятельств. Другой рабочий, более старшего возраста, не решился все же взять кредит и пытался улучшить свои условия другим способом:

Я искал девушку с квартирой, в общем-то, мне что-то не хотелось ни здесь в микрорайоне гнездо вить, ни как-то с мамой... (Вадим, слесарь, 48 лет)

Девушка с квартирой не встретила, поэтому Вадим до сих пор не женат и живет с мамой. Не только материальные обстоятельства жизни современных рабочих, которые, при всей их стесненности, обычно бывают как минимум не хуже, чем у поколения их родителей, но сами «правила» современной жизни формируют у них своеобразный габитус, когда все аспекты жизни они вынуждены оценивать прагматически, с точки зрения их ресурсных возможностей. У большинства наших респондентов он стал уже привычным и не встречал сопротивления.

Крупные промышленные предприятия тем не менее остаются весьма привлекательным работодателем для этой социальной среды. Помимо относительно стабильных зарплат (хотя, как показал Уокер [Walker, 2015b], чаемая «стабильность» часто оказывается, скорее, приписываемым таким предприятиям преимуществом, чем реальностью), большую привлекательность для рабочих имеет соцпакет, а для

молодых рабочих — сохранившаяся система профессионального продвижения, включая поддержку при получении образования, как среднетехнического, так и высшего.

Неуверенность в себе и отсутствие перспектив в других сегментах рынка труда делают рабочие позиции неожиданно привлекательными даже для некоторых молодых представителей среднего класса — что называется, «на контрасте». Как признался нам в интервью молодой директор не очень успешного туристического агентства в небольшом городе:

...что-то поменять в жизни, конечно же, возможно, хотелось. В том числе пойти на рабочую специальность. Потому что 10-15 лет назад работяга на заводе это был пьющий, немытый, ну, можно сказать, низший слой населения. Ну, это было по факту так. Потому что на 10 начальников была тысяча вот таких работяг, которые я перечислил. Сейчас, конечно, ситуация поменялась, и уровень, и требования к этим работягам другие, и заработная плата, и социальный пакет, ну, в общем, уровень рабочего класса в нашей стране, конечно, вырос в разы. В разы. (Роман, 29 лет, директор турагентства)

Таким образом, нисходящая социальная мобильность в рабочий класс может рассматриваться носителями высшего образования не только как карьерная неудача, но своего рода желанная жизненная возможность.

Женская рабочая карьера: гендерные и классовые ограничения

Анализ взятых в ходе исследования интервью показал, что социальная позиция рабочего, хотя и претерпела символическое обесценивание (Trubina, 2012), сохраняет определенную привлекательность как для молодых людей из рабочих семей, так и потерпевших карьерные неудачи профессионалов. В то же время отношение к ней остается крайне противоречивым, идентичность кадровых рабочих размывается, габитус рабочей молодежи складывается под влиянием соблазнов общества (недо)потребления, трудовые ценности низкие, перспективы работы на предприятиях и в сервисе оцениваются как неопределенные. В этих условиях все более важную роль для выстраивания собственной субъектности начинает играть гендерный габитус, задающий знакомые и значимые для индивидов измерения социальных координат.

Как уже говорилось выше, Буравой полагает, что российские женщины рабочего класса имеют более разносторонний габитус, чем мужчины, что позволяет им проявлять большую устойчивость и открытость реакций во времена экономических испытаний (Burawoy, 2008). Однако это разнообразие достигается за счет того, что им приходится все время создавать новые конфигурации социальных практик в поиске неустойчивого баланса между разными сторонами своего биографического проекта: профессиональной самореализацией, материальным обеспечением, заботой о детях и других родственниках, поддержании отношений с

мужем или партнером. В этой ситуации у работниц социально приемлемый гендерный сценарий самоотверженной матери обычно выступает основной структурирующей рамкой, задающей параметры их карьеры и социальной мобильности. В какой-то степени это верно и для женщин из других социальных групп, но интерсекциональный анализ помогает нам увидеть некоторые особенности гендерного габитуса именно в рабочей среде.

Во-первых, рабочие профессии, как правило, имеют очень высокую степень гендерной сегрегации, которая происходит еще на уровне образования, девушки из рабочих семей обычно изначально ориентированы на «женские», низкооплачиваемые профессии (Walker, 2010). Во-вторых, в рабочей среде социальной нормой являются ранние браки, о которых нам рассказывало большинство наших респонденток:

Я дочку родила на пятый день после своего 18-летия. (Олеся, продавец в ларьке, 25 лет)

При этом такие браки — не вполне продукт индивидуального решения той или иной девушки, они именно габитусно обусловлены. Респондентка, вышедшая замуж в 20 лет, вспоминает:

И очень уже, на тот момент, когда я выходила замуж, я уже хотела свое, подружки все за два года повыходили замуж. У всех были семьи, дети, туда-сюда. И я как-то раз и почувствовала, что я осталась одна. Я захотела замуж, я просто почувствовала, что я готова выйти замуж. И так случилось, что с мужем своим познакомилась и все пошло. (Людмила, лаборант, 45 лет)

Далее, ранний брак, как правило, влечет за собой столь же раннее материнство:

Потом я приняла решение, что мне срочно нужен ребенок. Не то, что я приняла. Я понимаю, что все уже родили. Потому что годы идут. В тот момент я думала 20 лет — это так много, нереально просто, как, это, вообще, что такое? Конец света, все. (Наташа, продавец, 30 лет)

Эти биографические выборы, сделанные молодыми девушками самостоятельно, но под влиянием сложившихся у них представлений о социальных нормах, женской судьбе и женском счастье, практически полностью определяют их дальнейший жизненный путь, в том числе и профессиональный: отказ от получения образования, выбор «удобной работы» — низкооплачиваемой, но обладающей оптимальным режимом для обслуживания семьи (этот тип работы как доминирующий гендерный паттерн подробно описан у Светланы Ярошенко [Ярошенко, 2002]). Очень многие из них часть своей трудовой биографии посвящают работе уборщицей или няней в детских садиках, куда ходят их дети, — иногда их трудоустройство бывает условием принятия детей в садик, иногда следствием недоверия

к работе детских учреждений: в любом случае этот вид занятости представляет им идеальным способом совмещения работы с материнством. В результате не только ставится крест на возможностях социальной и профессиональной мобильности, но возрастает зависимость от финансовой поддержки партнера. Респондентки в явной форме говорили о «заданности» своей жизненной траектории:

Как-то у нас, наверное, это на генном уровне — какая-то работа, семья, дети и быт, как-то вот так вот. А какой-то определенной цели куда-то пойти — да нет, наверное, не было... (Оксана, оператор оборудования, 45 лет)

Свой жизненный успех женщины рабочего класса определяют через семейный статус, причем не через какие-либо достижения других членов семьи, а именно простое их наличие:

Я этим тоже очень горжусь, что все-таки я замужем, я нормальный семейный человек, не то что разведенка. (Олеся, продавец в ларьке, 25 лет)

Но не следует из этого делать вывод о том, что они лишены профессиональных амбиций или довольны своим положением. Та программа, которую наша респондентка назвала «генетической», на самом деле является яркой манифестацией габитусных ограничений, которые обычно не осознаются в качестве таковых, но служат источником глубоких разочарований и фрустраций. Как мы писали выше, проект социальной мобильности для рабочих, в том числе рабочих девушек, не то чтобы нерелевантен или нежелателен — просто он существует в виде мечты, к исполнению которой они не знают, как подступиться. Вот рассказ еще одной респондентки, на примере которого хорошо видно, как мечта о квалифицированной работе вытесняется реальными социальными практиками «своего круга» общения:

Я себя представляла женщиной-адвокатом в белом юбочном костюме с двумя детьми, с длинной косой, тоже белой косой... почему-то я была женщиной-адвокатом, вот так вот виделось мое будущее. После окончания школы я познакомилась со своим гражданским мужем, тогда у меня будущее за сверкало совершенно другими красками. Я представляла жизнь совершенно иной, он был очень обеспеченным человеком на тот момент. Ну, тогда, знаете, это считалось криминальными вещами, сейчас это называется бизнесом. Так продолжалось года 2–3, потом он просто не вернулся из Казахстана, потому что он там погиб. Вот, и я быстренько со своей мечтой женщины-адвоката простилась (усмехнулась). Вот, и я пошла на завод работать, чтобы ну как-то, вот надо было существовать. (Марина, 45 лет, шлифовщица)

Таким образом, Марине стать «адвокатом в белом костюме» сначала помешал гражданский брак с обеспеченным человеком из криминального мира, т. е. перед ней не стояла задача учиться для того, чтобы делать карьеру и обеспечивать себе будущее, а потом, после его смерти, наоборот, встала задача выживания «здесь

и сейчас», и работать на осуществление своей мечты уже не было возможности. Другие женщины остаются со своими мужьями и партнерами, но точно так же не предпринимают никаких шагов для повышения своего статуса, даже если им предоставляется такая возможность. Так, например, повар Надя отказывается от повышения на позицию менеджера:

Там был сложный график работы: неделя через неделю. То есть неделя у меня выпадала из дома, из семьи вообще. И это, ну, мало того что я своих не вижу, да плюс тут еще чужих воспитывать или что-то там. Думаю, нет, наверное, все-таки руководство — это не мое. Хотя, ну, как бы меня там уважали. Но я сделала выбор в пользу семьи. (Надя, рабочая, бывший повар, 45 лет)

«Выбор в пользу семьи» является, безусловно, основным типом габитуса женщин рабочего класса. Однако это самопожертвование, полное поглощение профессионального проекта семейным оставляет у большинства из них горькое чувство:

Я очень хотела пойти в институт. На тот момент были уже такие наметки. Я отработала уже два года в лаборатории после училища, и женщины, которые со мной работали здесь, они мне говорили: иди учиться дальше. У меня уже было такое, думаю, наверное-ка, я пойду. И как раз по весне мы познакомились с мужем, хотя на лето уже были планы, что я пойду поступать в институт, и все такое прочее. А здесь закрутилось, завертелось, любовь и все закончилось с институтом. Я все свои силы послала на семью. (Людмила, лаборант, 45 лет)

Всё как-то тухловатенько прошло (смеётся), как-то неинтересно, мне кажется... Я с 2000 года вообще никуда больше не ездила. Как ребёнок появился, как семья появилась, всё — у меня и особенно возможностей не стало, ни ездить никуда, ничего, как-то вот уже и скучно, и грустно стало, и как-то не очень интересно. (Ольга, железнодорожный проводник, 45 лет)

Никто из наших респонденток не хотел, чтобы их дети, в частности дочери, повторяли их судьбу, все они надеются, что они получают более высокий уровень образования, и готовы в это вкладываться: если позволяют средства, нанимают им репетиторов даже с младших классов, поощряют к изучению иностранного языка, занятиям в творческих кружках. Но ни у одной из тех, кто принадлежит к старшей возрастной группе и имеет уже взрослых детей, этот проект социальной мобильности хотя бы детей пока что не увенчался успехом: их дети получают в лучшем случае среднее специальное образование, а в нескольких случаях их дочери отказывались от работы и образования вообще и занимаются исключительно домашним хозяйством.

Третий фактор, который позволяет увидеть влияние гендерного габитуса на трудовую биографию женщин из рабочего класса, связан со спецификой гендер-

ной сегментации рынка труда. Как показал в своем исследовании российской молодежи Уокер, современные девушки из рабочих семей, в отличие от юношей, изначально стремятся найти работу не на промышленных предприятиях, а в сервисных организациях, поскольку это работа «с людьми», а не с механизмами, и она более соответствует их представлениям о приемлемых для них формах женственности (Walker, 2012: 235–237). Среди наших респонденток наиболее распространенным выбором оказалась работа продавца в торговых сетях разного масштаба — от уличных киосков индивидуальных предпринимателей до крупных оптовых или розничных сетей. Не последнюю роль в распространенности этого выбора трудоустройства играла его доступность: никто из респонденток не испытал никаких сложностей с поиском работы такого типа.

Однако большинство из них меняли работодателей много раз, потому что в реальности «женская работа» оборачивалась жестокой формой эксплуатации, в том числе и физической:

Я помню, мы с девочками, которые там работали, мои ровесницы вместо мальчишек-грузчиков таскали 50 килограммовые мешки с кормом, потому что мальчишки сидели, лентяи такие, негодяи прямо они были. (Олеся, продавец, 25 лет)

Пошла в М. [название торговой сети. — А. В., И. Т.], но тоже не устраивало, потому что всю просроченную продукцию нас заставляли покупать, мы ее сами покупали... Потом решила уволиться, потому что эта несправедливость, она всегда меня задевала. Ну, плюс здоровье тоже. Я работала в молочном отделе, там все время эти, холодильники, от молока вот это все холод идет. И дисциплина у нас была строгая. Там нельзя было даже к стене прислониться. То есть ты должен стоять как солдат... Если покупателей нет, ты товар раскладываешь, что-то поправляешь на прилавке. Если покупатель, вот час пик, вы просто стоите и смотрите. Естественно, я там еще и надорвалась, потому что фуры мы сами разгружали. Когда не было продавца-мужчины, естественно, девочки шли разгружать. По очереди, одни там половину фуры, потом следующие (улыбается). Ну, короче, я там спину надорвала. Рабочий день был с 10-ти до 9-ти, у нас практически выходных не было. После 20-го декабря нельзя было вообще брать выходной, потому что предновогодние праздники... (Анастасия, продавец, 45 лет)

Помимо низких зарплат и тяжелых условий труда, многие женщины-продавцы и работницы других сервисных учреждений жаловались именно на несправедливость и унижения со стороны работодателей, иногда и на сексуальные домогательства. Неоднократно в интервью звучало «не хочу, чтобы об меня вытирали ноги». При этом сам характер работы «с людьми», с покупателями не вызывал у респонденток нареканий, проблемы были связаны именно с борьбой за сохранение чувства собственного достоинства, которую им приходилось вести без опоры на какие-либо социальные ресурсы.

Еще одна сторона работы в сервисе, неоднократно озвученная респондентками, состоит в отсутствии социальных гарантий. Не только небольшие, но и даже более крупные продавцы товаров и услуг, стремясь оптимизировать финансовые показатели, экономят на персонале, поэтому работницы жаловались на то, что их могли в любой момент вызвать из отпуска или принудить работать в выходные под угрозой увольнения — не говоря уже о нежелании оплачивать декретный отпуск и предоставлять хоть какие-то социальные льготы. Прекарность большинства рабочих мест в сервисе вызвала у работниц старшего возраста определенный спрос на работу на промышленных предприятиях, где, несмотря на нелегкий труд, присутствует определенная стабильность, и главное, столь востребованный работницами-женщинами социальный пакет. Поэтому хотя работа на предприятии и определяется ими как неудобная для женщин с маленькими детьми, часть из них трудоустроилась в итоге в индустриальный сектор или ищет такой возможности.

Мужской габитус рабочего как фактор трудового поведения

Несмотря на утверждения Майкла Буравого о том, что российский фемининный габитус в период социальных изменений обладает большей гибкостью и адаптивностью по сравнению с мужским габитусом (Буравой, 2008: 25), тем не менее наше исследование показывает, что в период стабилизации стратегии построения жизненного проекта и карьеры мужчин-рабочих более разнообразны по сравнению с женщинами из той же социальной среды. Подобный феномен обусловлен тем, что в условиях социальной устойчивости мужской габитус менее опосредован нормативными представлениями, касающимися, например, возраста вступления в брак и рождения детей. Однако от мужчин требуется соответствовать иным нормативным ожиданиям, которые связаны в первую очередь с классическими гендерными ролями, предписываемыми им в патриархальном гендерном порядке. Если женщины, как правило, в интервью нарративизируют свою биографию через рассказ о приватной или семейной сферах, то мужчины демонстрируют гораздо меньшую степень вовлеченности в семейный проект, придавая большую значимость профессии и миру индивидуальных увлечений. Почти для всех опрошенных нами мужчин семья не стала препятствием для карьеры, скорее, наоборот, она стимулировала поиски лучшей работы. Несмотря на это, в случае мужчин-рабочих на первый план выходят другие структурные ограничения, мешающие осуществить вертикальную социальную мобильность.

Как пишут Пьер Бурдье и Жан-Клод Пассрон, представители рабочего класса в большей степени подвергаются селекции и исключению при поступлении в высшие учебные заведения по сравнению с выходцами из среднего и высшего классов в силу того, что рабочая молодежь обладает в значительной степени меньшими лингвистическими компетенциями, унаследованными от родителей из той же социальной среды (Bourdieu, Passeron, 1990: 63–74). Однако социальное происхождение все же не следует рассматривать в качестве единственного фактора,

оказывающего влияние на генезис образовательной и профессиональной карьеры; важность в данном случае приобретает констелляция таких переменных, как гендер и возраст (Bourdieu, Passeron, 1990: 88). Согласно нашему исследованию, мужчины-рабочие, так же как и женщины, зачастую сожалеют о том, что не получили в молодости высшее образование. Причины этого, как правило, связаны с действием классового этоса — отсутствием достаточной мотивации и культурного капитала, необходимых для поступления в вуз и его окончания:

...сразу после школы я поступил в железнодорожный институт. Сдал экзамен на платное отделение, уехал в Екатеринбург. Вот там я, грубо говоря, полгода. ...весной я уже ушел из этого института. Ну, во-первых, запустил все, что можно... Очень много не было сдано. Как бы, может быть, можно было бы это все восстановить и договориться, чтобы сдать позже. Но как-то желания уже не было учиться... А сейчас я, конечно, жалею, может быть, лучше мне бы карьерная лестница... проще было бы где-то подняться. (Илья, 29 лет, монтажник)

Илья, из интервью с которым приведена цитата, два раза поступал в высшие учебные заведения, но ни одно из них не закончил. И если в первый раз причиной послужило его чрезмерное увлечение компьютерными играми вместо учебы, то во втором случае ключевую роль сыграла служба в армии, после которой он не смог уже вернуться к занятиям. В ходе интервью Илья рассматривает данные сюжеты своей биографии как жизненные «неудачи» и «спады», ощущая, что высшее образование позволило бы ему совершить вертикальную социальную мобильность. В настоящий момент, занимаясь прокладкой кабелей для интернета, он не удовлетворен своей работой:

Это не то, чем бы я хотел там всю жизнь заниматься. Потому что до пенсии лазить по чердакам где-то, где-то по колодцам как бы... (Улыбается.) (Илья, 29 лет, монтажник)

Другим характерным для этой социальной группы примером отсутствия мотивации к учебе и социальной мобильности служит высказывание 49-летнего кровельщика Владимира:

...и насчет верха — у меня такого не было... куда-то лезть. Учиться там до начальника, например, у меня не было такого. Просто рабочим родился. (Владимир, 49 лет, кровельщик)

Объяснение, которое дает Владимир, связано с его повседневным восприятием социального мира как естественного и изначально данного. Обоснование карьерных неудач, которое содержит «природные» категории («просто рабочим родился»), вносит вклад в поддержание сложившегося социального порядка с неравным распределением власти и, как следствие, неравным доступом к разным социаль-

ным позициям в профессиональной иерархии. Таким образом, мы можем предположить, что социальная мобильность и иммобильность тесно связаны с субъективным восприятием шансов на успех и социальное продвижение. Габитусная неуверенность некоторых рабочих ставит под вопрос возможность их социального восхождения и становится эмоциональным барьером для достижения более высоких статусов (Savage et al., 2015: 214).

Более разнообразную картину мы видим в когорте молодых рабочих, которые прагматично оценивают роль образования в своей карьере. Как правило, у них есть субъективная уверенность или габитусное понимание того, какие перспективы им открывает или не открывает образование. В нашем исследовании можно выделить несколько показательных кейсов, репрезентирующих два типа мужских габитусов молодых рабочих, которые схожи в своей ориентации на восходящую социальную мобильность, но отличаются по набору ценностей и оценке роли образования в осуществлении своего социального продвижения. Условно они могут быть названы мужской габитус «заводского рабочего» и «начинающего предпринимателя».

Современный заводской рабочий, с одной стороны, наследует советской модели карьерного продвижения в рамках крупного предприятия. Согласно этой модели он, расширяя свои профессиональные компетенции, повышает разряд и образовательный уровень, в результате чего может достичь позиции мастера и даже подняться выше. С другой стороны, этому типу мужского габитуса свойственна логика конкурентной борьбы за более высокие позиции и заработную плату, что соотносится с активной жизненной позицией и стремлением к индивидуальным достижениям. Следующая цитата из интервью со Станиславом, 27-летним слесарем шестого разряда с металлургического комбината в Нижнем Тагиле, отчетливо показывает эту стратегию:

Ну получается там [на комбинате. — А. В., И. Т.] работаю с тринадцатого года... достиг шестого разряда. В дальнейшем посмотрю перспективы, как бы закончить техникум сейчас заочно... и дальше уже думать: либо от комбината меня пошлют на получение высшего, либо самому искать там заочное отделение. Ну, конечно, если искать, надо искать бюджетное, так как у меня ипотека, у меня не хватит средств оплачивать все эти сессии и тому подобное, семестры и всякие разные, так что, либо от комбината отправят, либо так, чтоб уже дальнейший рост был... Я, конечно, не собираюсь в слесарях так долго сидеть. Буду стремиться, добиваться. Чтоб подняться выше и дальше. (Станислав, 27 лет, слесарь, металлургический комбинат)

Станислав стремится получить дополнительные знания и компетенции, которые позволят ему осуществлять продвижение в рамках заводской иерархии. Преподушие успехи и социальная поддержка крупного предприятия усиливают габитусную уверенность Станислава, которая служит как условием, так и следствием карьерного восхождения.

Как показывают наши интервью, возможность выбирать: профессию, работу, вступать или не вступать в брак и т. д. уже сама по себе является показателем более высоких жизненных шансов по сравнению с ситуациями ограниченного выбора, когда индивид вынужден совершать какие-либо действия ради выживания. Расширенные возможности выбора обеспечиваются либо более высоким социальным положением, либо социальной поддержкой со стороны государства, крупного предприятия или корпорации. Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что мужской габитус заводского рабочего в его образцовом (идеально-типическом) виде в каком-то смысле производится биографией самого индивида, а отчасти формируется предприятием, осуществляющим социальную заботу о своем работнике.

Другой тип мужского габитуса с условным названием «начинающий предприниматель» генерирует другие стратегии построения жизненного проекта, которые стали более распространенными в постсоветский период и, как правило, связаны с созданием собственного мелкого бизнеса и стремлением к более высокому заработку вне карьерной лестницы крупного предприятия. Этот тип габитуса обладает амбивалентными чертами. С одной стороны, его носители происходят из социальной среды рабочих, что накладывает отпечаток на их социальные практики, круг общения и отношение к высшему образованию. С другой стороны, постоянный поиск возможности заработать в мелком бизнесе стимулирует их активность и предприимчивость, которая тем не менее направлена в основном на удовлетворение материальных запросов, что отличает их от тех же предпринимателей из более высоких социальных страт, обладающих специфическими знаниями, например, в области новых технологий или коммуникаций, и более «высокой» культурой (Savage et al., 2015: 318, 329).

В этом смысле показательным примером может послужить модель поведения Сергея, 27-летнего предпринимателя из Нижнего Тагила, который окончил индустриальный техникум и параллельно прошел курсы вождения в автошколе. После этого он покупает в кредит автомобиль и устраивается работать персональным водителем. Свои стремления он описывает следующим образом:

...максимум там еще у двух приятелей были тоже машины, катались, веселились. Охота, **надо же все равно к чему-то стремиться**... Охота было машину, я ее купил, расплатился за нее, потом дальше и так далее. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

Собственный автомобиль был для Сергея важным маркером уровня жизни и престижного потребления, но он сумел также использовать его и как индивидуальное средство производства, устроившись персональным водителем сначала к местному руководителю, а потом, на время предвыборной кампании, к гастролирующему политтехнологу. Последнее, хорошо оплачиваемое место работы позволило ему аккумулировать первоначальный капитал, достаточный для открытия

собственного мелкого семейного бизнеса — торговли стройматериалами. Он отдаёт себе отчёт в непрочности своего положения и демонстрирует готовность в случае неудачи легко вернуться в габитусно привычную рабочую среду:

[В случае неудачи в бизнесе. — А. В., И. Т.] работу я найду себе всегда... То есть я этого не боюсь. Превратиться из руководителя в рабочего — мне как бы нестрашно. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

Тем не менее общение как с предпринимателями более высокого статуса, так и с индустриальными рабочими позволяет ему выбирать из нескольких перспектив: построения карьеры на заводе и в бизнесе, которые отличаются по режиму труда и степени важности высшего образования для осуществления восходящей мобильности:

...ну, вот, опять же, я знаю людей, у которых и нету образования, и они, в принципе, тоже достаточно успешны. У них и семьи, и также материальное благосостояние у них довольно неплохое... то есть я считаю, что высшее образование — это не показатель.

...я думаю, что высшее образование, оно все равно было бы лучше, чем сейчас у меня техникум. Но сейчас идти в институт я, наверно, пока не вижу для себя смысла. Я работаю сейчас сам на себя, то есть я что продал, скажем так, то и заработал. А если бы я работал где-то на заводе, то оно бы мне было бы необходимо, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

Таким образом, высшее образование оказывается для Сергея ситуационно пригодным ресурсом: оно может быть востребовано в рамках той структуры, для которой оно релевантно, но само по себе не обладает для него никакой ценностью. Мерилом «успеха» для данного типа габитуса является не культурно-образовательный уровень, а материальный достаток, а также — баланс жизни и труда, позволяющий совмещать работу с разнообразным досугом и личной жизнью. В этом смысле неудивительно, что мобильность воспринимается им не как продвижение по карьерной лестнице, а как расширение возможностей для более интенсивного потребления и активных пространственных перемещений:

Я всегда шёл только выше классом. То есть я начинал, сначала, первая машина у меня была наша, советская, она была новая, с автосалона я покупал, это была тринадцатая, ВАЗ 2113, потом после неё у меня был Хёндай, я её взял после родителей, потом Шкода Октавия, она уже была больше, была новая... Сейчас вот я её продал, я купил уже себе Ниссан, это уже вообще бизнес-классом идет автомобиль, она большая, хорошая. Ну, и следующий автомобиль у меня, я думаю, что это будет уже внедорожник. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

Данное высказывание отображает некоторым образом символическую иерархию ценностей, которая свойственна габитусу молодого мужчины, мелкого предпринимателя, вышедшего из рабочего класса. Согласно этой габитусной логике, повышение статуса оценивается, исходя из стоимости и размера автомобиля: чем выше класс автомобиля, тем выше социальное положение. По классификации Майка Сэвиджа, Сергея, вероятнее всего, можно отнести к группе «новых состоятельных рабочих», которая характеризуется относительно хорошим экономическим положением, ограниченными социальными связями и малым объемом культурного капитала (Savage et al., 2013: 230). Несмотря на то, что он хотя и стал предпринимателем, тем не менее не имеет габитуса, присущего традиционному среднему классу (Savage et al., 2013: 230), поэтому его мобильность ограничена отсутствием планов на дальнейшее развитие бизнеса и суженными представлениями о культурном потреблении.

Социальные претензии Сергея сформированы конкретным образцом стиля жизни, на который он ориентируется как на эталон:

У меня вот сейчас есть знакомый, он вот потихонечку-потихонечку выкупает производственные площади, помещения, сдаёт их в аренду, оно ему приносит очень большие деньги. Он на эти, скажем так, полученные деньги опять выкупает какие-то помещения, и так далее. Человек может себе позволить... раз в месяц он стабильно куда-то ездит, отдыхает с семьёй своей, у него огромный загородный дом, то есть он себе это может без проблем позволить, у него дорогая достаточно машина, техника всякая у него есть, у него люди приходят к нему домой, прибираются, обслуживающий персонал у него, то есть человек зарабатывает достаточно неплохо... Да, мне хотелось бы так. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

В идеале он хотел бы стать рантье и в дальнейшем, по его признанию, «отдыхать». Отчасти он уже осуществляет этот проект, сдавая в аренду жильё своей гражданской супруги. Однако в полной мере этот идеал для него пока недостижим, поэтому в данный момент он ориентируется на те образцы комфортного стиля жизни, которые ему доступны: помимо престижных марок автомобиля (причём у его гражданской жены своя машина), это активный досуг — горные лыжи, сноуборд, велосипед, квадроцикл. В планах — поездки в отпуск за рубеж в страны массового туризма (Египет, Таиланд). Мы можем заключить, что его горизонты планирования полностью связаны с достижением стиля жизни среднего класса в аспекте его потребительской составляющей. Во всех же остальных отношениях он полностью доволен своими жизненными обстоятельствами:

То есть меня всё устраивает. Что есть у меня сейчас — меня это всё устраивает. Хотелось бы, конечно, это всё приумножать, чтобы было, что оставить там потом своим детям, ну, в принципе, я доволен тем, что есть у меня сейчас. (Сергей, 27 лет, водитель-предприниматель)

Этот пример показывает нам характерные черты классового габитуса нового состоятельного рабочего, который по своим социальным практикам напоминает мелкого буржуа, не имеющего при этом ни особых амбиций, ни плана развития бизнеса, ни умножения социального или культурного капитала. Проекция желаемого будущего связана лишь с потреблением (определенного, не самого высокого уровня) и с «отдыхом» как отсутствием необходимости работать. Это своего рода модель «выхода из класса», но очень усеченная, не связанная с развитием и явно выраженной мобильностью. По сути, она представляет собой простое «отрицание» идентичности классического рабочего, связанного с физическим трудом, ценностью мастерства и ограниченными возможностями потребления. Можно сказать, что именно уровень потребления служит для него показателем символической социальной мобильности, которая измеряется в первую очередь маркой автомобиля.

Сравнивая маскулинность «заводского рабочего» и «начинающего предпринимателя», следует отметить, что в первом случае мужской достижительский габитус, связанный с утверждением маскулинности через карьеру, выражен более явно, в то время как во втором — гендерная специфика прослеживается менее четко. Это связано в первую очередь с тем, что «заводской рабочий» является носителем классической мужественности, строящейся на индивидуальном проекте навыков и умений. Она предполагает наличие квалификации и выполнение тяжелого физического труда, для этого типа габитуса путь к социальному продвижению лежит через повышение образовательного уровня при поддержке крупного предприятия. Габитус начинающего предпринимателя, пытающегося осуществить вертикальную мобильность, в целом по набору социальных практик и ориентаций мало отличается от женского габитуса предпринимательниц, происходящих из той же рабочей среды и совершающих выход из класса. Валери Валкердайн в своем исследовании социального восхождения женщин из рабочей среды пишет о том, что ее респондентки, занимаясь частным бизнесом, так же как и наш предприниматель Сергей, озабочены демонстративным потреблением: мечтают иметь дорогостоящие машины и большие дома, чтобы соответствовать образу жизни среднего класса (Walkerdine, 2003: 246). Мы можем предположить, что размывание классовых границ и социальное удаление от рабочего класса делает менее специфичным деление на мужской и женский габитусы при построении профессиональных карьер. Тем не менее проведенный анализ показывает (и это соотносится с результатами исследований Бурдьё [Бурдьё, 2001]), что женский габитус работниц имеет специфические отличия — он направлен на приватную сферу и строится вокруг семейного проекта. Тогда как мужской габитус ориентирован вовне — на публичную сферу и сосредоточен на карьере или характерных мужских интересах.

Заключение

В статье мы рассмотрели виды социальной мобильности российских рабочих через призму классового и интерсекционального подходов. В результате интерпретационного анализа мы выделяем *восходящую и нисходящую стратегии мобильности, а также воспроизводство классовой позиции рабочих*.

Социальное восхождение рабочих оказывается возможным в двух ситуациях. Во-первых, благодаря дополнительному профессиональному образованию, полученному уже осознанно, в относительно зрелом возрасте. Эта стратегия наиболее характерна для молодых рабочих (как женщин, так и мужчин), сделавших выбор в пользу построения карьеры на крупных предприятиях или в больших корпорациях, обеспечивающих своим работникам социальную поддержку, например, оплачивая их обучение в высшем учебном заведении, предоставляя социальный пакет, помогая выплачивать ипотечный кредит и т. д. При реализации этой стратегии заводские рабочие продолжают идентифицировать себя с рабочим классом, выстраивая профессиональную карьеру в рамках своего предприятия. Так, *габитус заводского рабочего позволяет реализовывать социальное продвижение за счет «работы над собой»* (в том смысле, в каком пишет о ней Мишель Фуко), которая в данном случае выражается в повышении уровня образования и проявлении инициативности в трудовой и общественной сферах.

Во-вторых, информанты, происходящие из рабочей среды, могут осуществлять вертикальную мобильность — попытку выйти из класса — отрицая идентичность рабочего класса и стремясь сделать карьеру, например, в мелком бизнесе. *При реализации стратегии выхода из класса через построение «карьеры» частного предпринимателя образование не является решающим фактором для достижения успеха*, так как оно не представляет символической ценности в этой сфере. В данном случае ключевыми условиями для восхождения, или, скорее, расширения социальных возможностей, становятся сети контактов (например, знакомства с людьми из более привилегированных социальных классов или привлечение семейных ресурсов). Вместе с тем несмотря на отрицание классовой идентичности при осуществлении выхода из класса, эти информанты все же могут быть причислены к новому «состоятельному рабочему классу» (в терминах Сэвиджа) в силу того, что они сохраняют связь с рабочей средой, а также не имеют культурных и коммуникативных компетенций, свойственных традиционному среднему классу или буржуазии, поэтому данный тип классового габитуса является переходным.

Нисходящая социальная мобильность «в рабочие» относится к ситуации перехода от более квалифицированной работы к требующей меньших образовательных компетенций и является наиболее характерной для смены экономических режимов в период 1990-х годов, но неоднократно воспроизводящейся и в 2000–2010-е годы. Данная модель мобильности, скорее, характерна для информантов старшего возраста, которые не смогли адаптироваться к социально-экономическим трансформациям без понижения своего социального статуса, например,

перейдя из инженеров в рабочие, из специалистов — в продавцы. Рассматривая рабочие позиции как менее конкурентные, эти *информанты демонстрируют габитусную неуверенность, которая вносит вклад в их «неудавшуюся» карьеру*. Так, нарративизация в интервью ситуаций социального нисхождения позволяет нам выдвинуть предположение о символической значимости эмоционального измерения для социальной мобильности.

Стратегии построения рабочей карьеры носят гендерно-специфический характер. *Габитус женщин рабочего класса, как правило, подразумевает ранний брак и рождение детей, в результате чего семейный проект становится доминирующим по сравнению с профессиональной самореализацией*. Это не означает, что женщины-рабочие лишены карьерных амбиций: многие из них хотели бы повысить свой статус и приобрести более творческие и престижные профессии. Однако эти планы, как правило, не реализуются в силу работы их гендерного габитуса: их социальное окружение не поддерживает их в их намерении получить дополнительное образование, они несут единоличную ответственность за домашний порядок и воспитание детей. Недостаток представлений о том, как можно выстроить свою карьеру и сохранить оптимальный баланс между приватной жизнью и работой, также препятствует их социальной мобильности. Большинство из них выбирает типичные «женские специальности» в сфере малоквалифицированного труда и в сервисе, которые оказываются для них своего рода «социальной ловушкой»: они не приобретают там достаточного социального капитала, который позволил бы им улучшить их жизненные шансы.

Что же касается гендерного габитуса мужчин-рабочих, то для него характерно стремление к самореализации не в семье, а в публичной сфере, но при этом на первый план выходит важность позиции кормильца и материально успешного (относительно своего класса) человека при относительной неважности социального статуса и престижа. Стремление к социальной мобильности часто присутствует, но ему мешают осуществиться очень короткие горизонты планирования, препятствующие построению долгосрочных образовательных и карьерных стратегий. Мужской габитус подразумевает конкурентность, и рабочие не являются исключением, однако для них эта конкурентность выражается чаще всего не в успешной карьере, а в желании соответствовать стандартам досугового потребления, характерным для более высоких классов. В плане же своего социального положения для большинства из них достаточно выглядеть относительно успешными на фоне тех представителей своего круга, кто ушел «вниз» — спился, подсел на наркотики, не имеет постоянной работы. В маскулинной модели рабочих существуют поколенческие различия: если для рабочих старшего возраста очень важно позиционировать себя как профессионалов своего дела, «честных работяг», то молодые мужчины имеют амбиции, связанные преимущественно с улучшением качества жизни.

В целом наше исследование заставляет предположить, что *рабочие не слишком проблематизируют свою позицию в обществе*: биографический выбор рабочей профессии остается легитимным для выходцев из семей рабочего класса и не

очень травматичным для тех, кто стал рабочим в силу нисходящей мобильности. Те же из них, кто все же хочет «выйти из класса» и осуществить восходящую социальную мобильность, делают это, скорее, не для повышения статуса, а для достижения более комфортной жизни.

Таким образом, *в рабочей среде мы обнаружили большую ориентацию на классовое воспроизводство, чем на профессиональную мобильность, и запрос не столько на справедливость, сколько на социальные гарантии.* Поскольку крупное индустриальное предприятие обычно рассматривается ими как ресурсная область для предоставления социальных гарантий, постольку рабочая карьера будет сохранять для определенных слоев населения свою привлекательность.

Литература

- Бек У. (2000). Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Буравой М. (2009). Жить в капитализме, путешествовать через социализм / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. (ред.). Социальные движения в России: точки роста, камни преткновения. М.: Вариант. С. 28–58.
- Бурдые П. (2001). Практический смысл / Пер. с франц. А. Т. Бикбова и др. СПб.: Алетейя.
- Бурдые П. (2005а). Мужское господство / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. С. 286–364.
- Бурдые П. (2005б). Социальное пространство и генезис «классов» / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. С. 14–48.
- Бурдые П. (2004). Формы капитала / Пер. с франц. О. И. Кирчик под ред. Н. А. Шматко // Радаев В. В. (ред.) Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. С. 519–536.
- Ваньке А. В. (2013). Мужской габитус и телесные практики офисных служащих // Тартаковская И. Н. (ред.). Способы быть мужчиной: трансформации маскулинности в XXI веке. М.: Звенья. С. 192–203.
- Ваньке А. В. (2014). Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сфере // *Laboratorium*. № 1. С. 60–83.
- Виноградова Е. В., Козина И. М. (2011). Отношения сотрудничества и конфликта в представлениях российских работников // Социологические исследования. № 9. С. 30–41.
- Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. (2013). Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 5–15.
- Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. (2015). Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Голенкова З. Т. (ред.). Наемный работник в современной России. М.: Новый хронограф. С. 121–138.

- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. (2015). Рабочие: трудовой потенциал и адаптационные ресурсы // Голенкова З. Т. (ред.). Наемный работник в современной России. М.: Новый хронограф. С. 101–120.
- Гудков Л. Д. (2008). Выступление на круглом столе «Элита в вертикальном обществе» // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 21–38.
- Каравай А. В. (2016). Отношение российских рабочих к своим ресурсам: финансам, здоровью и свободному времени // *Журнал исследований социальной политики*. № 2. С. 229–244.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010). От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата.
- Кордонский С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Кремнева Н. Ю., Лукьянова Е. Л. (2015). Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. № 10. С. 26–38.
- Максимов Б. И. (2004). Рабочие в реформируемой России: 1990-е — начало 2000-х годов. СПб.: Наука.
- Мещеркина Е. Ю. (2002). Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // Ушакин С. (ред.). О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение. С. 268–287.
- Омельченко Е. Л. (2013). Молодежное тело в сексуально-гендерном измерении: зоны молчания vs откровения // *Омельченко Е. Л., Нартова Н. А.* (ред.). Про тело: молодежный контекст. СПб.: Алетейя. С. 115–150.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке / Пер. с англ. А. Дунаева под ред. А. Володина. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Ренн Ж. (2011). Отношения между полами в узле расовых, возрастных и классовых отношений: гендерные исследования и дебаты во Франции в первом десятилетии XXI века // *Laboratorium*. № 3. С. 143–162.
- Семенова В. В. (2016). Субъективная социальная мобильность: возможности качественного подхода // *Социологические исследования*. № 6. С. 84–93.
- Тартаковская И.Н. (2015). Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // *Социологические исследования*. № 5. С. 84–93.
- Ткач О. А. (2007). Заводские династии в современных рыночных условиях // *Человек и труд*. № 12. С. 69–81.
- ФСГС РФ. (2015). Численность занятых в экономике по полу и занятиям. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-10.htm (дата доступа: 10.09.2016).
- Уокер Ч. (2012). Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге /

- Пер. с англ. М. Ворона // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 4. С. 521–538.
- Ядов В. А., Здравомыслов А. Г. (2003). Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс.
- Ярошенко С. С. (2002). Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения // Социологический журнал. № 3. С. 137–150.
- Ashwin S., Clarke S. (2003). Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition. New York: Palgrave Macmillan.
- Ashwin S., Kozina I. (2013). Employment Regulation in National Contexts: Russia // Frege C., Kelly J. (eds.). Comparative Employment Relations in the Global Economy. London: Routledge. P. 285–304.
- Beck U. (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage.
- Behnke K., Meuser M. (2002). Gender and Habitus. Fundamental Securities and Crisis Tendencies Among Men // Baron B., Kotthoff H. (eds.). Gender in Interaction: Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography in Discourse. Amsterdam: John Benjamins. P. 153–175.
- Bottero W. (2009). Relationality and Social Interaction // British Journal of Sociology. Vol. 60. № 2. P. 399–420.
- Bourdieu P. (1994). Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990). Reproduction in Education, Society and Culture. London: SAGE.
- Burawoy M. (2008). Does the Working-Class Exits? Burawoy Meets Bourdieu. URL: http://www.havenscenter.org/files/III.Burawoy%20Meets%20Bourdieu_o.pdf (дата доступа: 16.08.2016).
- Clarke S. (2007). The State of the Russian Unions // Journal of Labor Research. Vol. 28. № 2 P. 275–300.
- Clarke S., Fairbrother P., Borisov V. (1995). The Workers' Movement in Russia. Aldershot: Edward Elgar.
- Grusky D. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // Grusky D. (ed.). Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press. P. 3–51.
- Heinz W. R. (2001). Work and the Life Course: A Cosmopolitan-Local Perspective // Marshall V. W., Heinz W. R., Krüger H., Verma A. (eds.). Restructuring Work and the Life Course. Toronto: University of Toronto Press. P. 3–22.
- Kiblitckaya M. (2000). «Once We Were Kings»: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia // Ashwin S. (ed.). Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London: Routledge. P. 90–104.
- Lane D. (2005). Social Class as a Factor in the Transformation from State Socialism // Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 21. № 4. P. 417–434.
- Lane D. (2011). Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London: Transaction.

- Lane D.* (2014). *The Capitalist Transformation of State Socialism: The Making and Breaking of State Social Society, and What Followed*. London: Routledge.
- Lane D., O'Dell F.* (1978). *The Soviet Industrial Worker: Social Class, Education and Control*. London: Martin Robertson.
- Lande F. de.* (2007). *Becoming One Self: A Critical Retrieval of «Choice Biography»* // *Journal of Reformed Theology*. Vol. 1. № 3. P. 272–293.
- Meuser M.* (2010). *Geschlecht und Männlichkeit: Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen: Leske + Bundrich.
- Miles A., Savage M., Bühlmann F.* (2011). *Telling a Modest Story: Accounts of Men's Upward Mobility from the National Child Development Study* // *British Journal of Sociology*. Vol. 62. № 3. P. 418–441.
- Morris J.* (2015). *Notes on the “Worthless Dowry” of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable* // *Laboratorium*. № 3. P. 25–48.
- Ratilainen S.* (2012). *Business for Pleasure: Elite Women in the Russian Popular Media* // *Salmenniemi S.* (ed.). *Rethinking Class in Russia*. Farnham: Ashgate. P. 45–66.
- Rivkin-Fish M.* (2009). *Tracing Landscapes of the Past in Class Subjectivity: Practices of Memory and Distinction in Marketizing Russia* // *American Ethnologist*. Vol. 36. № 1. P. 79–95.
- Rotkirch A., Tkach O., Zdravomyslova E.* (2012). *Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia* // *Salmenniemi S.* (ed.). *Rethinking Class in Russia*. Farnham: Ashgate. P. 129–148.
- Russo J., Linkon L. S.* (eds.). (2005). *New Working-Class Studies*. Ithaca: ILR Press.
- Salmenniemi S.* (ed.). (2012). *Rethinking Class in Russia*. Farnham: Ashgate.
- Savage M., Cunningham N., Devine F., Friedman S., Laurison D., McKenzie L., Miles A., Snee A., Wakeling P.* (2015). *Social Class in the 21st Century*. London: Pelican.
- Savage M., Fiona D., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A.* (2013). *A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment* // *Sociology*. Vol. 47. № 2. P. 219–250.
- Sorensen A.* (2000). *Toward a Sounder Basis for Class Analysis* // *American Journal of Sociology*. Vol. 105. № 6. P. 21–29.
- Trubina E.* (2012). *Class Differences and Social Mobility Amongst College-Educated Young People in Russia* // *Salmenniemi S.* (ed.). *Rethinking Class in Russia*. Farnham: Ashgate. P. 203–218.
- Walker C.* (2010). *Classed and Gendered «Learning Careers»: Transitions from Vocational to Higher Education in Russia* // *Johnson D.* (ed.). *Politics, Modernisation and Educational Reform in Russia from Past to Present*. Oxford: Symposium Books. P. 122–143.
- Walker C.* (2011). *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. London: Routledge.
- Walker C.* (2012). *Re-inventing Themselves? Gender, Employment and Subjective Well-Being Amongst Young Working Class Russians* // *Salmenniemi S.* (ed.). *Rethinking Class in Russia*. Farnham: Ashgate. P. 221–240.

- Walker C.* (2015a). «I Don't Really Like Tedious, Monotonous Work»: Working-class Young Women, Service Sector Employment and Social Mobility in Contemporary Russia // *Sociology*. Vol. 49. № 1. P. 106–122.
- Walker C.* (2015b). Stability and Precarity in the Lives and Narratives of Working-class Men's in Putin Russia // *Social Alternatives*. Vol. 34. № 4. P. 59–58.
- Walkerdine V.* (2003). Reclassifying Upward Mobility: Femininity and the neo-liberal subject // *Gender and Education*. Vol. 15. № 3. P. 237–248.
- Willis P.* (1977). *Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. New York: Columbia University Press.
- Willis P., Dolby N., Dimitriadis G.* (eds.). (2004). *Learning to Labour in New Times*. London: Routledge.
- Wright E. O.* (2000). Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's «Sunder Basis» // *American Journal of Sociology*. Vol. 105. № 6. P. 1559–1571.

Working-Class Career as Choice Biography

Irina Tartakovskaya

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, the State Academic University for the Humanities, Senior Research Fellow, Institute of Sociology, the Russian Academy of Sciences.
Address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russian Federation, 117259
E-mail: lucia.richardson@gmail.com

Alexandrina Vanke

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, the State Academic University for the Humanities, Research Fellow, Institute of Sociology, the Russian Academy of Sciences.
Address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russian Federation, 117259
E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

The article aims to examine Russian workers' career strategies in situations of biographical choices. Based on class and intersectional analyses, the authors define different types of working-class career strategies, understood here as professional choices corresponding to their social mobility. Young workers' upward mobility is possible in the hierarchy of large industrial enterprises on the condition that they upgrade their skills and improve their professional knowledge. The factory hierarchy allows them to convert educational capital into symbolic and economic capitals. For instance, getting a higher education can help a worker to become a shop supervisor. Downward mobility is typical mostly for workers of the older generations who could not adjust to the new socio-economic conditions in the transition period, failing professionally and then being downgraded. The article supports the idea that the strategy of class reproduction is typical for the working-class environment in modern Russia. Workers' career strategies are gender-specific. In spite of the fact that female workers have career ambitions, they aim to become more successful in the private sphere (e.g., in marriage and family life), while "success" for male workers is manifested either in building a professional career, or in improving their living conditions. The authors conclude that Russian workers today generally do not problematize their social status strongly.

Keywords: career strategies, workers, choice biography, social mobility, feminine habitus, masculine habitus

References

- Ashwin S., Clarke S. (2003) *Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition*, New York: Palgrave Macmillan.
- Ashwin S., Kozina I. (2013) Employment Regulation in National Contexts: Russia. *Comparative Employment Relations in the Global Economy* (eds. C. Frege, J. Kelly), London: Routledge, pp. 285–304.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: SAGE.
- Beck U. (2000) *Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Behnke K., Meuser M. (2002) Gender and Habitus: Fundamental Securities and Crisis Tendencies Among Men. *Gender in Interaction: Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography in Discourse* (eds. B. Baron, H. Kotthoff), Amsterdam: John Benjamins, pp. 153–175.
- Bottero W. (2009) Relationality and Social Interaction. *British Journal of Sociology*, vol. 60, no 2, pp. 399–420.
- Bourdieu P. (1994) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, London: Rutledge.
- Bourdieu P. (2005a) Muzhskoe gospodstvo [Masculine Domination]. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social Space: Fields and Practices] (ed. N. Shmatko), Saint Petersburg: Aleteia, pp. 286–364.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskii smysl* [Practical Sense], Saint Petersburg: Aleteia.
- Bourdieu P. (2005b) Sotsial'noe prostranstvo i genezis "klassov" [Social Space and Genesis of "Classes"]. *Sotsiologiya i sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space] (ed. N. Shmatko), Saint Petersburg: Aleteia, pp. 14–48.
- Bourdieu P. (2004) Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Zapadnaia ekonomicheskaja sotsiologiya* [Western Economic Sociology] (ed. V. Radaev), Moscow: ROSSPEN, pp. 519–536.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London: SAGE.
- Burawoy M. (2008) Does the Working-Class Exits? Burawoy Meets Bourdieu. Available at: http://www.havenscenter.org/files/III.Burawoy%20Meets%20Bourdieu_o.pdf (accessed 16 August 2016).
- Burawoy M. (2009) Zhit' v kapitalizme, puteshestvovat' cherez sotsializm [Dwelling in Capitalism, Travelling Through Socialism]. *Sotsial'nye dvizheniia v Rossii: tochki rosta, kamni pretknovenii* [Social Movements in Russia: Growing Points and Stumbling Blocks] (eds. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova), Moscow: Variant, pp. 28–58.
- Castells M. (2000) *Infomatsionnaia epokha: ekonomika, obschestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow: HSE.
- Clarke S. (2007) The State of the Russian Unions. *Journal of Labor Research*, vol. 28, no 2, pp. 275–300.
- Clarke S., Fairbrother P., Borisov V. (1995) *The Workers' Movement in Russia*, Aldershot: Edward Elgar.
- Federal State Statistics Service (2014) Chislennost' zanyatykh v ekonomike po polu i zanyatiyam [Number of Employed in Economy According to Sex and Occupation]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/lssWWW.exe/Stg/do1/05-10.htm (accessed 21 October 2015).
- Golenkova Z., Goliusova Y. (2013) Novye sotsial'nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obschestva [New Social Groups in the Contemporary Stratification Systems of Global Society]. *Sociological Science and Social Practice*, no 3, pp. 5–15.
- Golenkova Z., Goliusova Y. (2015) Precariat kak novoe iavlenie v sovremennoi sotsial'noi structure [Precariat as a New Phenomenon in Contemporary Social Structure]. *Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii* [An Employee in Contemporary Russia] (ed. Z. Golenkova), Moscow: Novyi khronograf, pp. 121–138.
- Golenkova Z., Igitkhanyan E. (2015) Rabochie: trudovoi potentsial i adaptatsionnye resursy [Workers: Labour Potential and Adaptational Resource]. *Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii* [An Employee in Contemporary Russia] (ed. Z. Golenkova), Moscow: Novyi khronograf, pp. 101–120.

- Grusky D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. Grusky), Boulder: Westview Press, pp. 3–51.
- Gudkov L. (2008) Vystuplenie na kruglom stole “Elita v vertikal’nom obschestve” [Roundtable Presentation “Elite in Vertical Society”]. *Obschestvennye nauki i sovremennost’*, no 3, pp. 21–38.
- Heinz W. R. (2001) Work and the Life Course: A Cosmopolitan-Local Perspective. *Restructuring Work and the Life Course* (eds. V. W. Marshall, W. R. Heinz, H. Krüger, A. Verma), Toronto: University of Toronto Press, pp. 3–22.
- Karavay A. (2016) Otnoshenie rossiskikh rabochikh k svojim resursam: finansam, zdorov’yu i svobodnomu vremeni [The Attitude of Russian Workers to Managing their Resources: Finances, Health and Spare Time]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no 2, pp. 229–244.
- Kiblitckaya M. (2000) “Once We Were Kings”: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. S. Ashwin), London: Routledge, pp. 90–104.
- Klement K., Miriasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvatelei k aktivistam: zarozhdayushiesia sotsial’nye dvizhenia v sovremennoi Rossii* [From Townsfolk to the Activists: Emerging Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri kvadrata.
- Kordonsky S. (2008) *Soslovnaia struktura postsovetskoj Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia], Moscow: Public Opinion Foundation.
- Kremneva N., Lukyanova E. (2015) Rabochaia professiia: uspekhi ili neudacha? Vospriiatie sotsial’nogo polozheniia rabocheho v semeinom kontekste [Blue-Collar Occupation: Success or Failure?: The Perception of Worker’s Social Standing in Domestic Context]. *Interaction. Interview. Interpretation*, no 10, pp. 26–38.
- Lane D. (2005) Social Class as a Factor in the Transformation from State Socialism. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 21, no 4, pp. 417–434.
- Lane D. (2011) *Elites and Classes in the Transformation of State Socialism*, London: Transaction.
- Lane D. (2014) *The Capitalist Transformation of State Socialism: The Making and Breaking of State Social Society, and What Followed*, London: Routledge.
- Lane D., O’Dell F. (1978) *The Soviet Industrial Worker: Social Class, Education and Control*, London: Martin Robertson.
- Lande F. de (2007) Becoming One Self: A Critical Retrieval of “Choice Biography”. *Journal of Reformed Theology*, no 1, pp. 272–293.
- Maksimov B. (2004) *Rabochie v reformiruemoi Rossii, 1990-e — nachalo 2000-kh godov* [Workers in Reforming Russia, 1990s — Beginning of 2000s], Saint Petersburg: Nauka.
- Meuser M. (2010) *Geschlecht und Männlichkeit: Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*, Opladen: Leske + Bundrich.
- Mescherkina E. (2002) Bytie muzhskogo soznaniia: opyt rekonstruktsii maskulinnoi identichnosti srednego i rabocheho klassa [Male Consciousness Existence: Experience of Reconstruction of Middle- and Working-Class Masculine Identity]. *O muzhe(N)stvennosti* [On (Fe)Maleness] (ed. S. Oushakine), Moscow: New Literary Observer, pp. 268–287.
- Miles A., Savage M., Bühlmann F. (2011) Telling a Modest Story: Accounts of Men’s Upward Mobility from the National Child Development Study. *British Journal of Sociology*, vol. 62, no 3, pp. 418–441.
- Morris J. (2015) Notes on the “Worthless Dowry” of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable. *Laboratorium*, no 3, pp. 25–48.
- Omelchenko E. (2013) Molodezhnoe telo v seksual’no-gendernom izmerenii: zony molchaniia vs otkroveniia [The Youth Body in Sexually-Gendered Dimension: Zones of Silence vs Revelation]. *Pro telo: molodezhnyi kontekst* [Pro Body: Youth Context] (eds. E. Omelchenko, N. Nartova), Saint Petersburg: Aleteia, pp. 115–150.
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century], Moscow: Ad Marginem Press.
- Ratilainen S. (2012) Business for Pleasure: Elite Women in the Russian Popular Media. *Rethinking Class in Russia* (ed. S. Salmenniemi), Farnham: Ashgate, pp. 45–66.
- Rennes J. (2011) Otnosheniia mezhdru polami v uzle rasovykh, vozrastnykh i klassovykh otnoshenii: gendernye issledovaniia i debaty vo Frantsii v pervom desiatiletii XXI veka [Gender Relations at the Intersection of Race, Class, and Age: Gender Studies and Debates in France in the First Decade of the 21st Century]. *Laboratorium*, no 3, pp. 143–162.

- Russo J., Linkon L. S. (eds.) (2005) *New Working Class-Studies*, Ithaca: Cornell University Press.
- Salmenniemi S. (ed.) (2012) *Rethinking Class in Russia*, Farnham: Ashgate.
- Rivkin-Fish M. (2009) Tracing Landscapes of the Past in Class Subjectivity: Practices of Memory and Distinction in Marketizing Russia. *American Ethnologist*, vol. 36, no 1, pp. 79–95.
- Rotkirch A., Tkach O., Zdravomyslova E. (2012) Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia. *Rethinking Class in Russia* (ed. S. Salmenniemi), Farnham: Ashgate, pp. 129–148.
- Savage M., Cunningham N., Devine F., Friedman S., Laurison D., McKenzie L., Miles A., Snee A., Wakeling P. (2015) *Social Class in the 21st Century*, London: Pelican.
- Savage M., Fiona D., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, vol. 47, no 2, pp. 219–250.
- Semenova V. (2016) Sub'ektivnaia sotsial'naia mobil'nost': vozmozhnosti kachestvennogo podkhoda [Subjective Social Mobility: Perspective of Qualitative Analysis]. *Sociological Studies*, no 6, p. 84–93.
- Sorensen A. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 21–29.
- Tartakovskaya I. (2015) Vosproizvodstvo gendernogo poriadka cherez kar'ernye strategii: popytka interseksional'nogo analiza [Reproduction of Gender Order through the Career Strategies: An Attempt of Intersectional Analysis]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 84–93.
- Tkach O. (2007) Zavodskie dinastii v sovremennykh rynochnykh usloviakh [Factory Dynasties in Contemporary Market Context]. *Chelovek i trud*, no 12, pp. 69–81.
- Trubina E. (2012) Class Differences and Social Mobility Amongst College-Educated Young People in Russia. *Rethinking Class in Russia* (ed. S. Salmenniemi), Farnham: Ashgate, pp. 203–218.
- Vanke A. (2013) Muzhskoi gabitus i telesnye praktiki ofisnykh sluzhaschikh [Masculine Habitus and Body Practices of Office Clerks]. *Sposoby byt' muzhchinoi: transformatsii maskulinnosti v XXI veke* [The Ways to Be a Man: Transformations of Masculinity in the 21st Century] (ed. I. Tartakovskaya), Moscow: Zven'ia, pp. 192–203.
- Vanke A. (2014) Telesnost' muzhchin rabochikh professii v rezhimakh truda i privatnoi sfery [Corporeality of Working-Class Men Labour Regimes and the Private Sphere]. *Laboratorium*, no 1, pp. 60–83.
- Vinogradova E., Kozina I. (2011) Otnosheniia sotrudnichestva i konflikta v predstavleniiakh rossiiskikh rabotnikov [Relations of Cooperation and Conflict in the Representations of Russian Workers]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 30–41.
- Walker C. (2010) Classed and Gendered "Learning Careers": Transitions from Vocational to Higher Education in Russia. *Politics, Modernisation and Educational Reform in Russia from Past to Present* (ed. D. Johnson), Oxford: Symposium Books, pp. 122–143.
- Walker C. (2011) *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*, London: Routledge.
- Walker C. (2012) Klass, gender i sub'ektivnoe blagopoluchie na novom rossiiskom rynke truda: zhiznennyi opyt molodezhi v Ul'ianovske i Sankt-Peterburge [Class, Gender and Subjective Well-Being in Russia's New Labour Market: Experiences of Young People in Ulianovsk and Saint Petersburg]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 10, no 4, pp. 521–538.
- Walker C. (2012) Re-Inventing Themselves? Gender, Employment and Subjective Well-Being Amongst Young Working Class Russians. *Rethinking Class in Russia* (ed. S. Salmenniemi), Farnham: Ashgate, pp. 221–240.
- Walker C. (2015) "I Don't Really Like Tedious, Monotonous Work": Working-Class Young Women, Service Sector Employment and Social Mobility in Contemporary Russia. *Sociology*, vol. 49, no 1, pp. 106–122.
- Walker C. (2015) Stability and Precarity in the Lives and Narratives of Working-class Men's in Putin Russia. *Social Alternatives*, vol. 34, no 4, pp. 59–58.
- Walkerline V. (2003) Reclassifying Upward Mobility: Femininity and the Neo-liberal Subject. *Gender and Education*, vol 15, no 3, pp. 237–248.

- Willis P. (1977) *Learning to Labor: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*, New York: Columbia University Press.
- Willis P., Dolby N., Dimitriadis G. (eds.) (2004) *Learning to Labour in New Times*, London: Routledge.
- Wright E. O. (2000) Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's "Sounder Basis". *American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1559–1571.
- Yadov V., Zdravomyslov A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and after], Moscow: Aspekt-Press.
- Yaroshenko S. (2002) Zhenskaia zaniatost' v usloviakh gendernogo i sotsial'nogo isklucheniia [Women's Employment under Conditions of Social and Gender Exclusion]. *Journal of Sociology*, no 3, pp. 137–150.